

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣсяцъ "Уніонъ"
состоится
Анонсъ. состоится ТОЛЬКО ОДИНЪ КОНЦЕРТЪ
въ залѣ новой биржи
въ улицѣ, номеръ 6 строеніи

Секретарь для корреспонденции
Марія Ивановна Долиной

Х. К. Яцкери П. Тарасъ

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 3 (113)

сентябрь 2020 г.

Всемирному клубу одесситов – 30 лет ..... стр. 8-9

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Вы держите в руках осенний выпуск «Всемирных одесских новостей».

Эта осень – юбилейная для Всемирного клуба одесситов.

30 лет – для кого-то, возможно, скромная дата, но для клубовцев – весьма значимая. Столько было всего сделано, достигнуто, прожито и пережито нами вместе! Клуб вырос и возмужал за три десятилетия. Сплотил и сдружил одесситов всех стран и континентов (ну, разве что Антарктида остается пока не охваченной). Обзавелся филиалами по всему миру. И продолжает нести в мир мощный заряд одесского оптимизма, стойкости и жизнелюбия.

Затянувшая пандемия ограничила наши передвижения по городам и весям, приучила нас жить по новым правилам, соблюдать социальную дистанцию. Но она не может отучить нас дружить, любить, поддерживать и помогать, видеть доброе и позитивное даже там, где это затруднительно обнаружить, словом, оставаться неисправимыми одесситами.

Люди знающие предрекают, что юбилей – это энергетический рубеж, переступая через который, мы закладываем новое направление на будущее и получаем мощный заряд энергии, способный кардинально изменить нашу дальнейшую жизнь. Что ж, мы готовы к переменам – и непременно хорошим и счастливым. Чего всем и желаем!

Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ

Клубу одесситов 30 лет
привет родному городу
привет каждому члену
клуба.
Привет разным краям
страшно соскучилась
ваша
Явонелка

Е.М.Голубовскому:

Евгений Михайлович, добрый вечер!
В предисловии к 7-8 песням «Дон Жуана» Байрон пишет:

«Подробности осады Измаила, изложенные в двух из нижеследующих песен (то есть в седьмой и восьмой), заимствованы из французской работы «Histoire de la Nouvelle Russie» {«История России нового времени» (франц.)}. Ряд ключевых, приписанных Дон-Жуану, взят из жизни, в частности – спасение им ребенка. На самом деле героем этой истории был покойный герцог Ришелье, в то время доброволец в русской армии, а впоследствии – основатель и благодетель Одессы, где никогда не перестанут чтить его имя и память».

Цитата известная, но как же приятно было отыскать ее в первом издании 1823 (!) года (помните, я рассказывал, что нашел это издание в Португалии?) Подумать только, книжка вышла, когда Ришелье только год как умер, Одессе не было еще и тридцати, и Пушкин был еще жив!

А я держу эту книжку в руках сейчас, почти через 200 лет. Просто хотел поделиться.

Валерий Берестецкий.

*****

Дорогой Валерий! Как книголюб книголюба понимаю и поздравляю.

С Вашего разрешения я опубликую Ваше письмо.

Далеко не все знают, что Байрон писал о нашем Дюке.

Желаю дальнейших книжных находок.

ЕГ.

Интересная получается картина. Обратим внимание, как тужилась советская власть, чтобы заслонить своими сооружениями архитектуру культового, духовного назначения, которая не была разрушена в злополучные 30-е годы. Рядом с Успенским собором отгрохали высотку типа «ящик». Рядом с Кирхой возвели общежитие. Вспомним спортзалы и склады в стенах храмов различных вероисповеданий. А Кукольный театр в бывшей реформатской церкви? А туберкулезный госпиталь на территории женского монастыря? А испоганенные гробницы Воронцовых и Ланжерона?

Но если вы думаете, что принцип «не украсть, так изгадить» остался в далеком прошлом, то вот пример наших дней.

На ул.Малой Арнаутской 46 стоит прелесть дом, творение известного архитектора С. Ландесмана, в котором размещается культурный центр «Мигдаль». Организация, обратите внимание, просветительская. Этот центр фактически давит фривольный сосед – «Стрип-бар» (или клуб, но где разница?). Функция тоже просветительская, но иного толка. Мало того, владельцы нашли отклик в мэрии и получили «добро» на перестройку и расширение. Ну и где тут здравый смысл и совесть? Одна надежда, что осенью в новый горсовет войдут люди с умом и порядочностью.

краевед Сергей Калмыков.

Здравствуйтесь!

Пишу к Вам в связи со статьей: о скульпторе Жозефине Полонской в электронном биографическом справочнике «Они оставили след в истории Одессы».

Прошу Вас связать меня с искусствоведом Вероникой Драгун и Е. Голенцевой-Соколянской. Если связи нет, то можете ли Вы подсказать, где достать (желательно в электронном виде) альманах «Южный город», выпуск № 7, 2005 г.

Не бойтесь!

Всех благ!

**С уважением, хранитель фонда
отд. исследования творчества
А.С. Голубкиной ГТТ
(Музей-мастерская А.С. Голубкиной)
Алексей Анциферов
Москва, Третьяковская галерея**

Из Нью-Йорка – в Одессу**Е.М.Голубовскому**

Привет, Женя. Очень рад, что обе книги уже у тебя. Как живительный бальзам рижского производства твоя гипербола – сравнение с НИИ касательно начатого нами с тобой труда в «192 ступенях».

Боже, как давно всё начиналось... Визиты к старикам, каковым уже и сам являюсь, просмотры тысяч газет у добрейших и понимающих Степана Амбарцумовича и Виктора Семеновича, старых книг у Смычок и Жанны Михайловны, изучение музейных фондов Августы Марковны Тарадаш и Михаила Ивановича Пицциты.

А разве можно забыть, как Виктор Семенович разрешал мне вынести из библиотеки нужные мне книги для копирования на тогдашних ужасных машинах, как в Историческом музее давали «на вынос» интересующие меня материалы из сейфа для фотографирования. Это как же нужно было доверять!

И я до самой смерти это помнить буду.

И как результат – первая книжка краеведческих очерков «О чем поведала Медаль» в 1988 году и твоя на неё рецензия в «Вечерней Одессе».

Таких вот дел...

Твой Виктор Корченков.

Уважаемые дамы и господа, здравствуйте!

Я вчера узнал о публикации книг А.Козачинского и о А.Козачинском.

Вы не подскажите, как можно их приобрести?

Может быть, я переведу «Зеленый фургон» на французский язык.

**С уважением,
Борис Черни,
Франция.**

ВЕСТИ ЗАРУБЕЖЬЯ

Он защищал Одессу и освобождал ее. Он высаживал десанты в Керчи и Новороссийске. Он ходил Северным морским путем и южными широтами. Был капитаном, стал писателем. Был военным моряком, стал водить пассажирские суда. 22 июля на 95-м году жизни, скончался почетный член Всемирного клуба одесситов, ветеран Второй мировой войны, участник двух десантов на Малую Землю под Новороссийском, близкий друг Всемирного клуба одесситов Михаил Исаакович Ландер.

Последнее плавание Капитана

Горестная новость из Флориды. Ушел из жизни капитан дальнего плавания Михаил Ландер. Его жизнь, его поступки достойны учебного пособия для студентов и курсантов, избравших морскую профессию.

Думаю, еще найдутся энтузиасты, которые, в дополнение уже изданной им книги, соберут все его литературные и публицистические труды, статьи, рассказы, – и создадут новую книгу, способную зажечь в сердцах благородное чувство долга перед родиной, чувство бескорыстной преданности к своему делу.

В июне 41-го 15-летним подростком Михаил Ландер поступил на курсы Осоавиахима, на судоводительское отделение. А спустя несколько дней началась война. Скрыв возраст, несовершеннолетний мальчишка пришел в военкомат, решив, что он должен защищать от ненавистного врага своих близких, друзей и родную солнечную Одессу.

И на протяжении трех с половиной лет, сколько длилась война, бесстрашно смотрел в лицо смерти, выполняя свой священный долг. В должности старпома командира маленького сторожевика он участвовал в самых страшных кровавых десантных операциях, понимая, что сознательно идет на верную смерть. И каким-то чудом, или божьей волей остался жив, не позволил себе сойти с ума.

Он принимал участие в высадке десанта на Малую Землю под Новороссийском. Это был ад крошечный. На открытых палубах, заполненных морскими пехотинцами, швартовой команде не оставалось и пяди для работы со швартовыми концами для подачи на причалы. Стоя на капитанском мостике и отдавая команды, Михаил наблюдал, как ураган-

ный огонь фашистских пулеметов выкашивает десантников и ребят из его швартовки. Как падают запертые изуродованные пулями, матросы, с которыми он коргал ночные вахты. Как погибает десант, высаженный по вине высшего начальства на глубинах, не позволяющих достать ногами дна. Видел и сознавал свое бессилие в оказании им помощи.

19 апреля 1944 года Советская Армия с боями освободила Одессу от оккупантов. Однако порт оставался недоступным для судов любого тоннажа. Фашисты, унося ноги, тщательно и густо заминировали акваторию порта и подходы к нему.

Первыми в порт стали пробираться маленькие деревянные тральщики, которым не грозило взлететь на воздух от подрывов магнитными минами.

Одесситы сбегались к развалинам старой турецкой крепости в парк Шевченко, откуда открывался живописный вид на Платоновский мол, и наблюдали, как маленькие дубовые «шкарлушки», юрко суетясь, очищали морское дно порта от мин.

Будучи десятилетним пациентом, я был потрясен вздымающимися 20-метровыми столбами смеси воды, грунта и ила. Тральщики несколько минут маневрировали на одном и том же месте, а потом стремительно «убегали». Поднималась волна, которая настигала тральщик, высоко подбрасывая в воздух корму смертоносными столбами. Через 10-15 минут взрыв раздавался в другом месте. Это зрелище одесситы могли наблюдать каждый день с утра до самых сумерек, и оно запечатлелось у меня в памяти на всю жизнь.

Много лет спустя, работая в Черноморском пароходстве, я узнал, что одним из этих траль-

щиков бесстрашно управлял капитан Михаил Ландер, подорывая мины у 8-11 причалов.

Члены экипажей этих тральщиков часто задирались в парке с комендантскими патрулями, молодежью в штатском. Постоянный риск каждый день, каждую минуту быть убитым, жуткие условия работы, скудное питание, – все это калечило человеческую психику. И требовалась огромная сила воли и мужество выдерживать этот стресс.

Михаил Ландер являлся одним из самых верных и незаменимых помощников начальника Черноморского морского пароходства Алексея Данченко, с которым они буквально из ничего (24-х старых, предельно изношенных судов, оставшихся на плаву, уцелевших от торпед немецких подводных лодок, от воздушных атак «мессершмиттов», изрешеченных осколками, латанных-перелатанных) сумели создать самое мощное в мире пароходство.

Как мы создавали этот могучий флот из 500 современных судов, сколько усилий прикладывали, как рисковали, сколько крови попортили, здесь, в некрологе, я описывать не буду. Все это требует особого анализа, кропотливой работы в архивах Одессы, Киева, Москвы, раскрытия многих фактов неблагоприятных поступков высшего эшелона партийных аппаратчиков. Возможно, кто-нибудь после нас осмыслит подвиг и трагедию ЧМП. Позор тем, кто разорил, ограбил и уничтожил это многомиллиардное народное богатство Украины.

Мои воспоминания получились эмоциональные, но искренние. Если бы я написал книгу о Михаиле Ландере, я бы назвал ее «Повесть о настоящем одессите».

**Капитан
Александр НАЗАРЕНКО**

ДОСТОЯНИЕ

Твои Звезды, Одесса

Над Одессой звездное небо. Без телескопа различаю Большую Медведицу...

Но есть Звезды и на одесской земле. По инициативе Всемирного клуба одесситов (идея Елены Павловой) с 2014 года на Ланжероновской ежегодно устанавливаются и 2 сентября открывают ряд новых Звезд в честь деятелей культуры, прославивших наш город.

К 2020 году на Аллее увековечены имена 34 замечательных людей

Среди них – Ахматова, Багрицкий, Бабель, Довженко, Нежданова, Жаботинский, Вера Холодная, Водяной, Кира Муратова, Юрий Кузнецов, Валентин Хрущ, Олег Соколов, Михаил Жванецкий...

Как осуществляется выбор имен?

Ежегодно Всемирный клуб одесситов готовит на топонимическую комиссию Одесского горсовета список деятелей культуры, которые отмечают юбилейную дату со дня рождения. Их может быть 15-20, как в этом году. И комиссия, чаще всего рейтинговым голосованием выбирает имена 5-6-7 человек, которые предлагает для утверждения исполкому.

И вот 2 сентября 2020 этот рукотворный памятник – Аллея Звезд – пополнится новыми именами.

Иван Алексеевич Бунин, лауреат Нобелевской премии по литературе, прозаик, поэт, публицист. В этом году исполняется его 150-летие, он родился 22 октября 1870 года.

В течение четверти века, начиная с 1896 года, Бунин был тесно связан с Одессой; приезжая сюда более 30-ти раз, общался с А. Куприным, А. Федоровым, живописцами-участниками Товарищества южно-русских художников, среди которых: П. Нилус, Е. Буковецкий, В. Куровский, В. Заузе...

Одесская пресса (в т.ч. «Одесский листок», «Южная мысль», «Одесские новости») не раз освещала его приезды в Одессу. Среди авторов, печатавших статьи о Бунине в «Одесских новостях», были: К. Чуковский, П. Нилус. «Южная мысль», в частности, сообщила 1 марта 1912 года: «Вчера прибыл из Италии в Одессу известный писатель-академик И.А. Бунин». Бунин печатался в газете «Южное обозрение», где был опубликован ряд его стихотворений. Став членом одесского Литературно-художественного общества, Бунин часто выступал на литературных вечерах с чтением произведений А.П. Чехова, П. Верлена, других авторов, читал свои произведения, среди кото-

рых были рассказы: «Захар Воробьев», «На край света», «Смерть пророка», «Сны Чанга»...

В Одессе Бунин работал над многими произведениями, в том числе, над прозой (корректура 2-й части повести «Деревня», вариантами рассказа «Сны Чанга», рассказами: «Сила», «Я все молчу», «Чаша жизни», над сборником рассказов и стихов «Иоанн Рыдалец», корректуру полного собрания сочинений, главами дневниковой книги «Окаянные дни».

В Одессе Бунин женился на А.Н. Цакни, здесь родился и умер его единственный сын Коля.

Одесса оставила писателю и тяжелейшие переживания, связанные с вакханалией гражданской войны; отсюда Бунин эмигрировал 6 февраля 1920 года... Литературным памятником стала его книга «Окаянные дни», половина которой посвящена событиям в Одессе.

С 1920 года Бунин живет во Франции (Париж, Грас). В эмиграции он создал многие шедевры, среди которых повесть «Митина любовь», роман «Жизнь Арсеньева». В 1933 году писатель был удостоен литературной Нобелевской премии, которая была ему вручена «за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы».

Вершиной своего творчества Бунин считал книгу рассказов о любви «Темные аллеи». Эта книга поразительна по своей классической ясности и совершенству формы. В одном из рассказов этой книги – «Галья Ганская» – предстала любимая Буниным Одесса...

И еще одному знаменитому писателю появится Звезда.

Это Александр Иванович Куприн, родившийся в том же 1870 году.

Большое место занимала в жизни и творчестве Куприна Одесса, которую писатель любил, куда приезжал неоднократно с 1897 года в течение 14 лет. Здесь он познакомился и сдружился с И.А. Буниным, А.М. Федоровым, С.И. Уточкинским (летал с ним на воздушном шаре, а с И.М. Заикиным – на аэроплане «Фарман»). В Одессе произошло знакомство Куприна с А.П. Чеховым, который высоко оценил его произведения, в частности рассказ «В цирке». В одесской прессе были впервые опубликованы ряд произведений писателя. По одесским впечатлениям были написаны рассказы «Обида», «В цирке», «Гамбринус».

В Одессе Куприн создал рассказы «Леночка», «По-семейному», «Гранатовый браслет», писал главы повести «Поединок», страницы повести «Яма».

Самым популярным в Одессе был рассказ Куприна «Гамбринус». Да и сам кабачок до 60-х годов XX века сохранялся на том же месте, на углу Преображенской и Дерибасовской. Это сегодня от него осталось только название. Многократно перепечатывались в нашем городе воспоминания Куприна об Уточкине и Заикине.

В память о писателе одна из улиц Одессы в районе Дачи Ковалевского названа его именем. На здании, в котором Куприн жил и работал в последний приезд в Одессу, где писал «Гранатовый браслет» на Маразлиевской, 2 установлен бюст писателя.

Аллея звезд расположена между двумя знаковыми местами нашего города – Литературным музеем и Оперным театром. С писателями мы познакомим вас. А теперь – прославленный балетмейстер: Павел Павлович Вирский (1905 – 1975) – артист балета, балетмейстер, народный артист СССР (1960).

Павел Вирский родился 12 (25) февраля 1905 года в Одессе, в дворянской семье, ставшей нищей после Октябрьского переворота. Мальчик, учившийся в Риппельской гимназии, должен был пойти рабочим на завод. Но его тянуло, притягивал театр, музыка. В 1923-1927 гг. он учился в Одесском музыкально-драматическом училище, в 1927-1928 гг. – в Московском театральном техникуме. С 1928 года в качестве артиста балета начал творческую карьеру. В 1932-1933 годах был балетмейстером Одесского театра оперы и балета. Являлся художественным руководителем Харьковского, Днепропетровского, Киевского театров оперы и балета.

В 1937 году организовал ансамбль народного танца Украинской ССР.

С 1940 по 1953 годы работал в Ансамбле песни и пляски Киевского военного округа и в Краснознаменном ансамбле песни и пляски Советской армии. С 1955 года – художественный руководитель Государственного ансамбля народного танца Украинской ССР.

И сегодня существует этот ансамбль, носящий имя своего создателя Павла Вирского. И сегодня в Одесском театре оперы и балета помнят имя балетмейстера. Его звезда – это звезда нашего балета.

Следующая звезда может показаться несколько неожиданной. Бунин и Куприн долго жили в Одессе, Вирский родился, работал в Одессе.

А Исаак Дунаевский приехал сюда «в творческую командировку», на несколько дней, когда задумал писать по пьесе

Масса и Червинского оперетты «Белая акация». Но успех этой оперетты, а главное – песенки Тони, ставшей официальным гимном Одессы, сделали его имя культовым для одесситов.

Исаак Дунаевский родился 30 января 1900 года в небольшом тихом украинском городке Лохвица. В семье Дунаевских было шестеро детей, и все они посвятили себя музыке: Зинаида (1898) стала педагогом, Борис (1896), Михаил (1904) и Семен (1906) – дирижерами, Исаак и Зиновий (1908) – композиторами.

Уникальные музыкальные способности Дунаевский начал проявлять еще в раннем детстве. В четыре с половиной года подбирал по слуху на рояле мелодии вальсов и маршей, которые он слышал по воскресеньям в городском саду. В восемь лет наше героя стали серьезно обучать музыке, пригласив в учителя чиновника акцизного ведомства Г. Полянского. Тот первым приобщил мальчика к игре на скрипке. Первые музыкальные сочинения юного Дунаевского были печальны и грустны.

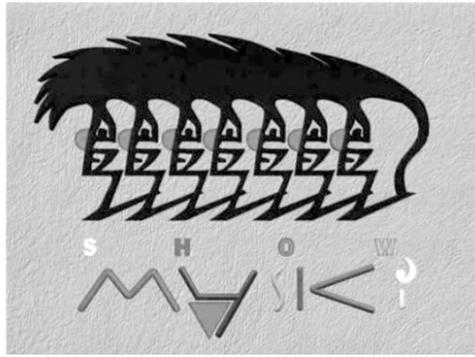
В 1910 году семья Дунаевских переехала в Харьков. Исаака отдали учиться в гимназию и консерваторию (тогда училище). Закончив гимназию с золотой медалью в 1918 году и консерваторию в 1919 году, Дунаевский поступил учиться на юридический факультет местного университета, но вскоре понял, что эта профессия не для него. Он выбрал музыку. Дунаевский устроился работать в оркестре Харьковского русского драматического театра в качестве пианиста и скрипача. Вскоре молодой талантливый музыкант обратил на себя внимание режиссера театра Синельникова, и тот предложил Дунаевскому написать музыку к одному из своих спектаклей. Дебют молодого композитора был удачным, и вскоре ему

предложили в театре сразу три должности: заведующего музыкальной частью, композитора и дирижера. Так началось восхождение Дунаевского к вершине музыкальной славы.

Мы знаем и любим работу Дунаевского с Утесовым, результатом которой стали «Веселые ребята», мы помним многие фильмы, музыку к которым написал Дунаевский, к примеру «Дети капитана Гранта». Но для Одессы, для молодого тогда Театра оперетты звездной стала «Белая акация». Это благодаря ей зажглась на Аллее Звезда Исаака Дунаевского.

Мы всегда радуемся, когда кто-то из наших современников при жизни попадает на Аллею Звезд. Так было с Кирией Муратовой, так было с Михаилом Жванецким.

В этом году – 60 лет Георгию Делиеву, режиссеру, актеру, музыканту, художнику. В прошлом году было 60 лет Борису Барскому, режиссеру, актеру, поэту. Две звезды – много, одну – тогда кому, и тут пришло «соломоново решение»: посвятить звезду коллективу театра, одному из самых молодых и самых востребованных. Как театр «Маски» существует 35 лет. Можно было бы сказать, что их любит Одесса. Но без преувеличения их любит весь мир. Вот, к примеру, один из отзывов на их выступление.

Газета «Bild Rhein-Neckar» (Германия) сентябрь 2000 года: «Комик-труппа «Маски» (Одесса) – наиболее яркая комик-труппа бывшего СССР, они достаточно популярны по всей Европе ... по праву могут считаться звездами «Dreamtheatre „SALOME“» (Манхайм, Германия)... заставляя публику взрываться от смеха... и давая ощущение, что актеры держат в руках отражение общества перед зрителями. Их юмор – иногда резкий, иронический, иногда печальный, – вызывает серьезные мысли, но никого не оставляет равнодушным».

Звездопад будет продолжен. Сегодня звезд уже 39. Но в бесконечной очереди – сотни деятелей культуры, чьи имена, рано или поздно, но попадут на Аллею Звезд.

«Ты ж, Одессит, Мишка!..»

За него ходатайствовали ветераны пароходства, капитаны и стармехи, Водный институт и Ассоциация портов Украины, музеи и библиотеки города. И это произошло. Михаилу Борисовичу Пойзнеру, Почетному члену Всемирного клуба одесситов, ученому, писателю, исследователю, коллекционеру присвоено звание Почетного гражданина Одессы.

Рады! Гордимся! Поздравляем!

1. Михаил Пойзнер – ученый, писатель, исследователь, меценат... Что для вас первостепенно в этом ряду?
2. Как проверяется дружба и в чем для вас ценность дружбы с Михаилом Борисовичем?
3. В чем проявляется его одесский нрав, принципиальность, волевой характер? Было такое, что Пойзнер вас удивлял?

Ректор Одесского морского университета Сергей РУДЕНКО:

1. Прежде всего, Михаил Пойзнер – выпускник нашего вуза, в то время – Института инженеров морского флота. И мы, безусловно, гордимся этим фактом, что он имеет к нам прямое отношение.

2. Что касается меня лично, то я горжусь, что у меня есть такой друг. Человек, на которого можно положиться в трудную минуту и с которым интересно и приятно общаться. Михаил Борисович – не только прекрасный писатель, публицист, достойный человек. Он Одессит. Его отличает любовь к родному городу, для которого он многое делает. Безусловно, его знает вся Одесса.

3. А Михаил всегда говорит что думает. Он обладает врожденным неповторимым чувством юмора и олицетворяет настоящего Одессита. Он меня всегда удивляет своей искренностью. К сожалению, это стало редким качеством в людях.

Заведующая отделом искусств Одесской национальной научной библиотеки Татьяна ЩУРОВА:

1. Солидные научные регалии Михаила вызывают у меня, филолога, огромное уважение. Зная о его многогранной одаренности, верю безоговорочно, что его профессионализм в науке достиг таких же высот, как и в других ипостасях. Впервые столкнулась с ним как с исследователем биографии выдающегося одесского книговеда, создателя музея истории книги в Одесской государственной публичной библиотеке Александры Николаевны Тюнеевой. Несколько лет назад он нашел важные ее документы периода оккупации Одессы и не просто поделился с нами, когда сотрудники ОННБ готовили сборник материалов о деятельности этой удивительной женщины, но и дал серьезные консультации по теме. Мы надеемся, что почетный гражданин Одессы М.Б. Пойзнер поможет осуществить еще одно благое для города дело – совместными усилиями с нашей библиотекой открыть мемориальную доску спасительнице книжной сокровищницы в военные годы.

2. Наши дружеские отношения длятся уже более двадцати лет. Их надежность подтвердилась при создании в начале нулевых книги очерков А.М. Дерibasа. Благодаря М.Пойзнеру издание было проиллюстрировано ценными материалами по истории Одессы 1920-х-40-х гг. из его коллекции.

3. Его любовь к Одессе безгранична и заразительна. У Миши отличный слух, поэтому он сумел зафиксировать и сохранить неповторимую интонацию и уникальную лексику горожан в своих книгах «С Одессой надо лично говорить» и «Одесские страницы и странички», причем, сделал это в лучших писательских традициях, не теряя чувства меры и хорошего вкуса.

Писатель, исследователь, краевед, Почетный гражданин Одессы Олег ГУБАРЬ:

1. Человек. С большой буквы.

2. Когда беда, бежишь к родителям. Их давно нет. Бегу к Мишане. Сорок с лишним лет бегу. Столько даже евреев по пустыне не водили.

3. Он многому научил личным примером. Скажем, не всё, что дают, надо брать. Мы вместе осуществили много важных, но, случалось, дорогостоящих проектов. Когда готовили монографию «Первые кладбища Одессы», к нему пришли «доброхоты» и предложили серьезную сумму на это издание. Мишаня стал интересоваться, кто они, зачем им это надо. Они темнили. Он сказал так: «Поясните или уходите». Тогда они сознались, что рассчитывают получить некую территорию под новое кладбище, поэтому им и надо продемонстрировать, что они в этой отрасли люди не случайные. Мишаня расхохотался и выставил их вон. А книгу мы издали при содействии людей достойных.

Библиограф, исследователь Ольга БАРКОВСКАЯ:

1. Для меня, конечно, на первом месте работы Пойзнера по истории Одессы. С удовольствием читаю его рассказы-зарисовки, точные, с мягким юмором. Ничего не понимаю в том, чем занимается Пойзнер-ученый, но то, что он отличный профессионал во всем, за что бы ни взялся, – несомненно. Разнообразие его интересов и потрясающая энергия просто завораживают.

2. У нас не «задушевная» дружба, когда видятся часто и поверяют друг другу секреты. Скорее, дружба «по интересам». Можем долго не встречаться, не беседовать, но вдруг по телефону торопливое: «Олечка, привет!» – рассказ о новом проекте (в последний раз это был двухтомник-открытие, посвященный А. Козачинскому) – и ощущение, что виделись только вчера. С Мишей не бывает скучно – идеи фонтанируют, его энергия захлестывает и увлекает. Но главное для меня – его надежность и редкостная по нынешним временам порядочность.

3. Чтобы понять главное в характере Михаила Пойзнера, на мой взгляд, достаточно прочитать его книгу «С Одессой надо лично говорить...». Там каждую новеллу наполняют доброта, юмор и любовь к городу и людям. Наверное, это и есть то, что до сих пор держит Одессу.

В рабочем кабинете Михаила Пойзнера там, где когда-то вешали портреты вождей, висит небольшая черно-белая фотография одесского писателя Александра Козачинского. Его роман «Зеленый фургон» сыграл в жизни Михаила Борисовича важную роль и много для него значит и сегодня.

С этой книги началась моя любовь к Одессе, мой интерес к городу, мои увлечения. Со школьных лет я бредил «Зеленым фургоном». Там ведь есть все, что нужно знать об Одессе: и базары, и Фонтан, и рыбаки на берегу лимана, и переплетение одесских улиц... Повесть об Одессе 18-20 гг. написана с огромной любовью к городу – в самое расстрельное время, в 1938 году. А в его книге сквозит ирония к советской власти, уголовному розыску, его сотрудникам. Одесса сама иронична по сути, взирает на происходящее вокруг, словно говоря: «Все прошло, пройдет и это». По сути, «Зеленый фургон» – это наша жизнь. И я доволен, что по прошествии многих лет мне удалось сделать что-то в память о любимом писателе.

А сделать Михаилу Пойзнеру удалось немало: установить мемориальную доску на доме, где жил Александр Козачинский в Одессе, найти и придать достойный вид могиле писателя в Новосибирске, где он скончался в эвакуации в январе 1943 года, не дожив до 39 лет. Наконец, Пойзнеру удалось найти архив автора «Зеленого фургона», провести гигантскую работу и издать результат этих серьезных исследований. Двухтомник «Зеленый фургон» и весь Александр Козачинский» стал ТОП-книгой на недавнем книжном фестивале «Зеленая волна»

– Когда я узнал об архиве, то сразу загорелся, захотелось его заполучить. Я понимал, что архив надо обязательно сохранить для

потомков, иначе пропадет. И когда, наконец, я стал счастливым обладателем архива Александра Козачинского, то обнаружил в нем рукописи «Зеленого фургона», историю его написания, письма А.Фадеева, В.Катаева, И.Ильфа, Л.Славина, С.Гехта, воспоминания об Одессе, фотографии... Все оригиналы!

Три года у меня ушло на разбор этого «сокровища». Я понял, что его надо издать: это же бесценный одесский материал! Еще три года продолжалось составление двухтомника. Спасибо Одесской научной библиотеке, художнику-иллюстратору Григорию Палатникову и особенно талантливейшему дизайнеру Леониду Бруку. И хочу отметить, что выход в свет этих книг – не моя личная заслуга, а совместный плод творческого коллектива: Олега Этнаровича, Натальи Данилко, Александра Грабовского, Натальи Колесниченко, Габриэля Михайлова.

И летом 2020-го двухтомник был издан. В нем уникальные документы о том, как шла работа над повестью, как власти не

хотели ее публиковать, как заставляли Козачинского вписать в повесть то, чего не было. А его воспоминания и письма «дышат» Одессой. В них он по-одесски шутит. Так, в письме к Льву Славину Козачинский, принявший, наконец, в Союз писателей, радостно сообщает: «Теперь в домоуправлении на меня смотрят как на настоящего писателя». Но это не помешало властям отпирать большого Козачинского с наследственным туберкулезом в эвакуацию в промерзлый Новосибирск. Не помогли ходатайства А.Фадеева, друг коллег-писателей. Судьба Козачинского была предпрешена.

Долгое время место захоронения писателя не удавалось найти. Михаил Пойзнер писал обращения к руководителям города, к частным лицам: «Родина вас забудет, а мы – нет». Все тщетно. Помог случай.

В архиве случайно оказалась папка писем матери А.Козачинского, ее бытовая переписка с родственниками и знакомыми.

– Я потратил уйму времени, перечитывая каждое письмо («почем пирамидон», «брали ли вы помидоры»)! И вдруг я наткнулся на письмо 1949 года, через шесть лет после смерти писателя, где мать

просит бывшую соседку по эвакуации сходить на могилу сына и подробно рассказывает, как ее найти. Поверьте, это случилось на Проводы, Родительский день после Пасхи. Случай помог, или господь бог, кто знает.

Михаил Борисович нашел равнодушных людей, переслал в Новосибирск деньги, на которые могилу Козачинского отреставрировали. И теперь место последнего упокоения одесского писателя обрело достойный вид и красивый памятник. Но еще более достойную память о писателе получила Одесса, в виде прекрасного изданного двухтомника Александра Козачинского и мемориальной доски на доме, где он жил. А архив писателя сегодня передан Одесскому литературному музею и занял свое место в именном фонде.

Все это – благодаря частной инициативе и личному вкладу одного неравнодушного человека, Одессита Михаила Пойзнера.

Коренной одесит Михаил Пойзнер родился и вырос в доме на Молдаванке. Море и моряки с малолетства будоражили его воображение. И выбор будущей профессии и вуза был для него предопределен. Даже в заявлении о приеме он написал не «прошу принять...», а «... мечтаю учиться в Водном институте».

Михаил никогда не мыслил жизни без Одессы. По окончании вуза по распределению отправился на Дальний Восток, проработал там пять с половиной лет, вместо трех положенных, зарекомендовав себя перспективным одаренным специалистом. И вернулся в Одессу. Окончил аспирантуру в Москве, получил там выгодные предложения. И вернулся в Одессу. Обездрил двадцать восемь стран мира, управляясь в командировки и в туристические поездки. Но никогда и нигде не хотел бы остаться: «Убежать от себя нельзя. Эмиграция – это репетиция смерти».

Молодым кандидатом наук по распределению Пойзнер попал в «ЧерноморНИИпроект», стал ведущим лабораторией, в 42 два года защитил докторскую диссертацию и работает там уже более сорока лет. У заслуженного работника транспорта Украины круг интересов весьма широк: морские порты, портовые сооружения, причалы. И история мореплавания, краеведение.

Но главный его интерес в жизни – Одесса. Вот такое завидное постоянство.

– *Мой отец, потомственный одесит с улицы Косвенной, сумел привить нам, детям любовь к родному городу. Я и сейчас живу на Молдаванке, во дворе, в котором родился и вырос. Там давно сменились все соседи. Но когда в прессе появились сообщения о присвоении мне звания Почетного гражданина Одессы, соседи меня поздравили. И мне захотелось воскликнуть, цитируя Ко-*

зачинского: «Теперь на меня в домоуправлении смотрят как на настоящего писателя».

Свою первую книжку рассказов М.Пойзнер издал в середине 90-х годов. Сегодня он автор целой книжной полки. Его рассказы – дань памяти домам, улицам и людям. Сколько их уже издано: «Из подсмотренного и подслушанного», «С Одессой надо лично говорить», «С одесским штрих-кодом», книга документальных очерков «Корабли моей памяти» о знаковых трагедиях на флоте. Сейчас в издательстве «ТЭС» выходит его новая книга «Тот, кто рожден был у моря». Это книга о морских капитанах, о ярких личностях, чья судьба была неразрывно связана с морем, о незабвенном Черноморском пароходстве, о перипетиях жизни автора.

Особый предмет гордости М.Пойзнера – изданный им уникальный альбом, посвященный оккупации Одессы. Листовки, переписка, указы, распоряжения, доносы, справки, удостоверения, фотографии, афиши спектаклей, – все оригиналы и подлинники из коллекции Михаила Пойзнера. Свою одесскую коллекцию он начал собирать после возвращения с Дальнего Востока. Сегодня это самое большое частное собрание по оккупации Одессы (1941-1944 гг.).

– *Мне говорили: уже поздно, все собрали. Как видно, не все. Надо отличать коллекционирование от накопительства, когда человек складывает, и никто, кроме жены не видит. Коллекция же должна активно работать, ее нужно анализировать, выставлять, делать публикации».*

Так она и работает, пополняясь более сорока лет, служит людям, городу, а не лежит мертвым грузом. Так и Михаил Борисович любит свою Одессу, тихо, без пафоса, не на словах на деле. Член историко-топонимической комиссии Одесского городского совета, Михаил Пойзнер является инициатором и меценатом установки целого ряда памятных досок выдающимся одесситам. Проще говоря, рядовой одесит из собственного кармана оплачивает изготовление и установку мемориальных досок достойнейшим нашим землякам, увековечивая память о них для потомков. В их числе: писатель Александр Козачинский, мастер сцены Ефим Березин, художник Леонид Пастернак, поэт Игорь Шаферан, композитор

Модест Табачников... И даже танкер «Туапсе» на Морвокзале.

Недавно Михаил Борисович с помощью Леонида Брука восстановил могилу одесского поэта Семена (Шимона) Фруга, к сожалению забытого сегодня.

– *Фруг умер в 1916 году, был захоронен на 2-м Еврейском кладбище. Когда его носили, могилы наиболее видных деятелей – основателя Одесской Скорой помощи Якова Бардаха, писателя Лазаря Кармена, братьев Кангун, – были перенесены на 2-е Христианское кладбище. В их числе была и могила Семена Фруга. Но когда я обнаружил ее, это была не могила, а проваленная яма с табличкой. Я отправился в архив и выяснил, что прощаться с этим поэтом пришли 100 тысяч человек. Таких похорон Одесса не знала. Негоже, подумал я, останкам такого человека лежать в проваленной яме.*

Если вы думаете, что сегодня Михаил Борисович поживает на лаврах, ограничиваясь работой в своем НИИ и преподаванием в родном вузе, вы глубоко заблуждаетесь. У Пойзнера снова горят глаза: впереди – новая работа.

– *Недавно у меня в руках оказалась книга, изданная недавно в Румынии на румынском языке. Это «Горький вкус одной победы. Одесса (август-октябрь 1941 года)» Мануэля Станеску. Теперь задался целью непременно перевести эту книгу и написать к ней свое предисловие. Но вначале нужно получить разрешение от румынской стороны».*

А еще в ближайших планах Михаила Пойзнера – увековечить в Одессе имя Петра Лещенко, повесив мемориальную доску на доме по улице Новосельского/Островидова, 66, где жил певец с удивительным голосом, огромной прижизненной славой и трагической судьбой.

А также непременно установить памятную доску Олегу Константиновичу Томасу, ставшему самым молодым начальником крупнейшего в союзе Одесского морского порта и проработавшему на этой серьезной должности долгие годы.

Продолжайте, Михаил Борисович, удивляйте, восхищайте, «не убирайте ладони со лба»!...

Наталья
БРЖЕСТОВСКАЯ

ФЕСТИВАЛЬ

«Зеленая волна» 2020

24-й Книжный фестиваль, праздник писателей и издателей. А для меня – праздник Читателя, а я уверен, что государством должны руководить читатели, а не кухарки. Организатор всех двадцати четырех фестивалей – мудрейшая и последовательная Галина Безикович.

Все предыдущие фестивали открывал Михаил Жванецкий. Лето Жванецкий всегда проводил в Одессе. Пандемия внесла коррективы, которые не вносила даже холера. Жванецкий в Москве. Но по просьбе Всемирного клуба одесситов прислал короткое, но, как всегда, емкое приветствие фестивалю:

«Пусть перебирает страницы наш морской ветер!

Пусть люди пишут!

Пусть люди читают!

И пусть волны не смывают наши слова!

Михаил Жванецкий

в компании с Юрием Ростом,

Юрием Норштейном

и Олегом Сташкевичем».

Одесса славна не только писателями 20-х годов. Литература из нашего города не ушла. И в 60-е годы в Одессе писали Аркадий Львов, Борис Нечерда, Юрий Михайлик. И сегодня в Одессе есть талантливые писатели. Прозаики Сергей Рядченко, Анна Михалевская, Елена Андрейчикова, Анна Костенко, Майя Димерли, поэты Тая Найдено, Влада Ильинская... Им нужен талантливый читатель. И он есть.

Жюри конкурса «Одесса на книжных страницах» объявило итоги. Как член жюри признаюсь, что хороших книг было очень много. Но у фестиваля всего одна ТОП-награда. Будь моя воля, их должно бы быть много больше. Отдельно – в прозе, в поэзии, в документалистике.

Топ-книга «Зеленой волнь» 2020 – двухтомник «Александр Козачинский и все, все». Это работа коллектива под руководством Михаила Пойзнера. В первом томе – «Зеленый фургон» и рассказы, во втором – письма писателя, документы, следственное дело. Для меня Козачинский после этих книг открылся вновь. Его письма – высокая проза. В них столько любви, иногда – отчаянья.

Какие еще книги я бы назвал Топовыми?

В этом году исследователи жизни и творчества Исаака Бабеля Елена Погорельская и Стив Левин завершили и издали «Жизнеописание Бабеля».

Научная книга читается, как роман. А диплом «Зеленой волнь» – свидетельство события не только важного для Одессы, но, поверьте, мирового уровня.

Топовые для меня две поэтические книги.

Книгу «Уходя в полутьму належке» Юрий Михайлик составлял специально для Одессы, включив в нее свои лучшие стихи. Мне кажется, после Багрицкого Одесса не знала такого мощного поэта, приверженца классической формы и очень современного содержания.

И рядом с этой книгой – сборник стихов Влады Ильинской «Анекдоты о дожде», чьи ритмы ближе к джазовой музыке, чья образность парадоксальна.

В прозе для меня безусловный номер один – Сергей Рядченко с новым романом «Октомерон». Те, кто еще не дочитал «Декамерон» Боккаччо, вряд ли полюбят и эту книгу, психологический портрет преодоления писателем (героем романа) несладухи нашей жизни.

Но прозы в этот раз много. И – что радует – она хорошая. Я не любитель жанра фэнтези, но роман «В коконе» Анны Михалевской скорее близок к магическому реализму. Да и Одесса здесь – не место действия, а, по сути, герой романа.

В этом году Одессе везло на добрый, умный писательский взгляд. После первой книги рассказов Юлии Вербы я почувствовал притяжение этого автора. Ее первый роман «Понаехали», открывающий ее «Одесскую сагу» стал достойным продолжением рассказов.

Отмечен дипломом и коллективный роман-буриме «Ямщик, не гони лошадей», написанный студийцами «Зеленой лампы» при Всемирном клубе одесситов.

Широко и интересно было представлено творчество одесситов, живущих в других странах. Начну с любимой мной книги Эвелины Шац «Одесский меридиан, или голубое вино Велимира». Лина давно живет в Италии, пишет стихи, эссеистику на итальянском, стала признанным человеком в итальянской культуре. Но одесская нота звучит в ее душе. И появляются стихи на русском, и оживает ее дом детства на Белинского, 6, и ощущение, что Итальянская улица все еще пересекает Одессу.

Бесконечно приношение Одессе поэта, профессора, эссеиста и редактора журнала «Остиная» Веры Зубаревой. На этой «Зеленой волне» она была представлена книгой «Одесский трамвайчик». Очень хорошая книга. Но для Веры тема не исчерпана. Недавно она прислала новый цикл одесских стихов. Этот диплом уедет в США.

В Германии живут старейший одесский поэт и прозаик Ефим Ярошевский и самая молодая из одесских прозаиков Ира Фингерова. Новая книга Ярошевского – «Эхо романа», эхо книги, написанной в шестидесятых и тогда, ставшей сенсацией. А у Фингеровой молодой роман о становлении – «Замки». Разный жизненный опыт, разная манера письма, но общая одесскость.

Белла Верникова – поэт, художник, исследователь. На «Зеленой волне» она была представлена большой книгой «Пришедший из забвения» о русско-еврейской литературе Одессы. Белла живет в Израиле.

И еще исследователи – отец и сын Амчиславские. Их две новые книги об Утесове получили награды. Диплом получил и наш альманах «Дерибасовская – Ришельевская».

Хочу отметить книги, возвращающие нам имена ушедших людей.

Сын Василия Галая Александр Галая издал «Дневники» отца. А сын фотокорреспондента Михаила Рыбака Аркадий Рыбак написал книгу об отце «Аккерманский мальчишка».

Публицистика представлена глубоким личностным взглядом на нашу историю и сегодняшний день Валентина Симоненко «Одесский набат». Валентин Константинович знает проблемы Одессы, любит свой родной город и бьет в набат, видя, что центральные власти уничтожают Южную Пальмиру.

И еще одна публицистическая книга – «Свежий ветер с моря». Так назвал свои записки одесского путешественника Евгений Деменок. В книгу вошли рассказы о 16 путешествиях, где автор находил истории, связанные с Одессой.

Назову и две справочные книги. Одну, о замечательном краеведе Александре Розенбойме, составила сотрудник Научной библиотеки Александра Дели, вторую, о первых ста номерах газеты «Всемирные одесские новости», – завотделом научной библиотеки Татьяна Щурова. Эти справочники – образец безукоризненной работы.

Ежегодно «Зеленая волна» присуждает еще одну номинацию – «Книжник».

Это человек книги, писатель, составитель, пропагандист. В этом году этого почетного звания удостоена сотрудник Литмузея Алена Яворская.

Подвожу итог.

Да в условиях пандемии...

Да, когда у людей не лучшее настроение.

Да, в обжигающую жару...

Но праздник, настоящий праздник книги состоялся.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Сергей Рядченко

Любимая улица в родной Одессе

В нашем случае одной улицей никак не обойтись. И вообще говорить за Одессу коротко не совсем прилично.

Для начала скажем – Среднефонтанская; та, где бытуют номера 14-А и 14-Б, та, которая, ушмыгнув от скверика на Старосенной, от некогда булочной на углу рядом с ликёро-водочным мимо некогда уютного, как для своих, гастронома с икрой и крабами в банках в свободном доступе и отделения милиции с нехитрым жильем для милиционеров тут же, от нас через забор, а напротив – деревянных тогда ступеней с перилами, возводящих на тогда деревянный, весело-скрипучий, выкрашенный в красное мост, что спрямлял нам пути наши над расходящимися под мостом во все концы Евразии рельсами со шпалами, – мимо него эта наша сокрытая от чужаков Среднефонтанская не долго и не коротко достигает 5-го Бассейного переулка, и вот вам и Сахалинчик! И бегай отсюда сколько надо через рельсы в уже другой, тоже свойский, гастроном за зельцем на закуску; только под поезд не угоди. А во дворике здесь на 5-м Бассейном во дворе туалет с кухнями, а в комнате наверх к нашему другу Жене Коненкину, куда нагрывались мы всей гурьбою, ведут (в любое время дня и ночи) черные сварные ступени, которые по старости кое-где «поотваривались» и разногласно ноют под шагами не хуже клавишина ... А паровозы громко гудели, и валил из труб у них чёрный дым, помечая сажей и копотью всех, кто зазевался...

Нынче мост уже не тот, что тогда, и не на том он месте.

Далее.

Французский бульвар во всю свою длину с самой красивой в мире осенью... Тут и арка на Отраду, красота из красот, разноцветная с кованными воротами из двух створок и решетками на стрельчатых оконцах. Была внутри перед выходом на обрыв и вторая арка. Была да сплыла.

Тут же сразу улица Пироговская, где на углу с бульваром на месте разбомбленки построили писательский дом под номером один, примкнувший к номерам три, пять и семь-девять с бесподобными в них проходными (сквозь

весь квартал) дворами. А на правой стороне легендарный госпиталь, где вас всё еще могут взять да вылечить... И вся Пироговская от бульвара, от Отрадной арки вдоль штаба и Куликовского поля, мимо Дома офицеров и домиков с башенками, стадиона СКА и некогда двух школ, 59-й и 16-й, упирается в ту самую железную дорогу с тем самым мостом. Когда-то из Отрады с моря сквозь арку весь лютый февраль напролёт дул страшный ветруган, и Пироговская покрывалась гололёдом; и выйдя из дома, воротиться в него можно было уже только летом... Теперь климат смягчился и ветра поутихли.

А упирается в Пироговскую Пироговским переулком Новоаркадиевская дорога, ныне проспект Шевченко, а в двух кварталах его (её) пересекает проспект Гагарина (бывшая Ботаническая) с незабываемыми вторым интернатом и школой №35, давшими набраться ума-разума стольким друзьям и товарищам, что будь эта коллективная моща применена в мирных целях, планету бы нашу давным-давно обуюла бы благоденствие.

Проспект Шевченко мы называли Бродом и дефилировали по нему от Дома Офицеров мимо Политеха и гастронома №17 на углу в седьмом номере, мимо «шестерки», «железнодорожников» и «канатчиков» до гастронома «Аркадия» и кафе «Волошка» в здании ЧерноморНИИ-проекта, а потом и сквозь парк аж до Пионерской, где уже можно было и нарваться; дефилировали и зимой, и летом во всей своей красе, аж пока юность не закончилась.

А по Гагарина и ныне любой свободный человек может легко достичь и Канатной, и Сегедской, и Фонтанской дороги и опять же Среднефонтанской, а обернувшись, всякий раз видеть, не без удовольствия, у истоков проспекта нашу славную кино-студию на Французском бульваре.

Уже названные дороги, улицы и переулки вполне уместаются на площади в полтора-два квадратных километра и с ответвлениями через Пушкинскую на Приморский бульвар с пушкой, Пушкиным и Дюком, и мэрией с Гермесом в нише с мешком денег, и даль-

ше ко дворцу Воронцова и Колоннаде, этой грации над грациями, а свернув с Пушкинской на Дерибасовскую сквозь Горсад на Преображенскую и по Пастера до Торговой, где на углу стоит пока, Слава Тебе Господи, трехэтажный Дом Фундуклея с сохранившимся камином, у которого сиживали, и паркетом, по которому скользили на балах сам славный граф Воронцов, его супруга, графиня, и молодой опальный Александр Сергеевич, – с этими ответвлениями (и ещё другими, – ну хотя бы Большим Винным Кругом и его укороченным вариантом – Малым, – каноническими маршрутами последовательного посещения за один марш-бросок любимых винарок, – как без них! – всего не перечислишь) составляют (вкратце) ареал мест, любезных сердцу нашему, поелику заполнены внахлест до отказа всплывками нашей памяти о воплотившихся здесь в своё время дружбах и любовях, триумфах и крахах, отчаяниях и восторгах...

А трамвайные маршруты у нас это вообще отдельная песня.

Сядь себе, к примеру, в двадцать девятый и баюкайся, мечтая о своём, аж до самого Люстдорфа. Или запрыгни в пятый трамвай и отправляйся на Староконный, а там уже, хошь, не хошь, а проникнешься восхищением от разнообразия дарованной (на время) тебе Творцом жизни и её проявлений и представителей.

Не забыть, конечно, и Лейтенантский переулочек с Лейтенантским спуском с неизменным на нём ощущением залихватскости; и тут же рядышком улочки Уютная с Ясной и Радостной, и когда б сюда ни ступил, – по okazji или по праздности, – тишь волшебная тут да блажь, и вкуснейшим образом дышит, и мечтается ни о чём; в трёх чудесных этих кварталчиках время движется по-вальяжному под неслышим густой мотив...

Если выпадет день ходьбы, то рискнём направиться к морю переулком Веры Инбер, насквозь, и свернём над обрывом у границы оползня, и отыщем на уцелевшей стороне улицы домик-музей Паустовского; здесь всегда есть над чем умом пораски-

нуть и прочувствовать связь времён; а хозяева здесь радушны, и в красивых чашках нам – чай...

Можно ж ещё и на катере проважировать по заливу. И причалить в конце концов к Золотому Берегу, берегу детства... Да о чём вы говорите!

А наши склоны над морем... Их куда приладить, к каким географиям?..

Приведём тут одну цитату из опуса, который так и называется «Пижоны с Новоаркадиевской»:

«Там, где в Новоаркадиевскую дорогу сверху от бульвара впадает улица Пионерская и убегает дальше вверх к ипподрому, была тогда еще раздольная площадь с могучим гранитным валуном, но не по центру, поперек всех течений, а по-умному, на траве на косогоре с северо-востока наискось от камышового болотца на другой стороне. Потом в гранит чугунными свайками вколотят мраморную доску с начертанным на ней обещанием возвести тут основателю Одессы генералиссимусу Суворову Александру Васильевичу его бронзовую всенепременно конную статую. Занятно всё же б знать, куда деваются вдрог за ночь все клятвы с обещаниями? Где их строгий накопитель ко дню Страшного Суда? Ну, не могут же они, право, все без исключения и каких бы-то ни было последствий растаскиваться по дачам да поместьям сильных мира сего под стать кованым решеткам с Французского бульвара? Должны же быть и другие версии».

Дабы сей сумбур признания в любви родному городу не завершать на грустном, поделюсь, друзья, давним своим ощущением. Оно сводится вот к чему: экзистенциальность Одессы и одесситов кратко выражается одним словом – «ИЛИ!». Это слово с восклицательным знаком как утвердительный ответ на любой вопрос, будь то риторический, общий, разделительный, альтернативный или какой вы только хотите.

Вы меня поняли?

Ответ очевиден.

Как много «или!» в наших улицах, в наших улыбках и умолчаниях, в наших проходных дворах и тупиках с потайными лазами. Отсюда и объем свободы, господа. Тем, собственно, и славимся.

Александр Бирштейн

Воспоминания о лете

Летом одесситы просыпаются рано, звеня с налета унитазами от нахлынувших чувств.

Унизительная жара тоже просыпается, но от шума, а вставать не спешит. Зачем так рано подниматься? Успеется...

Появляются первые прохожие, спеша, а ближе к парку – толкаясь. Они нагружены провизией и жаждой приключений. А приключений хватит на всех, едва толпа станет стройной колонной, марширующей на Ланжерон.

Шесть утра – самое время топтать ногами в сандалиях не на босу ногу.

Пробегающие мимо физкультурники-пенсионеры привычно спрашивают:

– Кто играет? – забыв, – склероз! – что на стадион толпами уже давно не ходят.

– Наши! – сурово отвечают им шутники.

– Какие наши? – причитают пенсионеры. – Там и наших-то нет...

Но их не слушают.

Лестница, ведущая на Ланжерон, уже не вмещает желающих, и народ топает вниз по склонам, доводя почву до кондиции плохого асфальта.

Места на пляже занимают без боя, – все свои! – но с перебранкой.

– Шоб я тебя тут в полдень видел!

– Ага, шоб я в полдень тебе тут место уступил!

Счастливицы уже пробуют ногой воду, потом входят в нее, радостно и демонстративно визжа.

Вода чиста и прозрачна, как бюджет инженера.

– Хорошо! Нет, вы не знаете, как хорошо-о-о-о!

– Знаем, знаем, мы и сами местные-е-е-е!

Первые насладившиеся уже выходят из воды и устраиваются поудобней на своих подстилках.

На свет появляется провизия: хлеб с маслом, по-

мидоры и крутые яйца. Кофе из термоса, конечно, не эспрессо, но бодрит, вы знаете, бодрит.

«Завтрак на траве», конечно, хорош, но на пляже он гораздо лучше. И барышень, тщательно раздетых для такого случая, хватает. Они даже общаются!

– Я хожу только на Ланжерон, – сообщает одна, – а в Аркадию ни ногой. Там так грязно... И вирусную эрекцию подхватить можно...

Народ сочувственно смеется.

Часы добираются до полвосьмого.

– Пошли купнемся напоследок! – сообщают себе граждане. И идут. Хочется же!

Потом каждый являет миру затейливый аттракцион снимания мокрых трусов и надевания сухих под якобы прикрытием полотенца.

Но это еще что! Ведь впереди увлекательное зрелище чудес эквилибристики при надевании носков!

Нестройные толпы устремляются вверх, кто спеша, кто не очень. Одни начинают работу в полдевятого, другие в девять, третьи в «начальство не опаздывает, а задерживается»...

Жара, опомнившись, начинает умничать, по-сильно пособляя хозяйкам, жарящим рыбу.

Просыпаются «гости города». Они не понимают, что проспали, зато понимают, что поход «на море» неизбежен, как и лозунг «Зачем тогда ехали?» Песок, не успевший остынуть после утренних гостей, неохотно принимает их в себя. Провизия из расчета – дневной рацион штангиста-тяжа на одного, питье – от компота до самогона, дети и карты. О, они тут надолго. До конца отпуска!

А во дворах тем временем аврал. Стиральные машины теперь у всех, но белье все равно сушить

надо. Вот и протянуты, как и пятьдесят, семьдесят, сто лет назад, вдоль двора веревки, а на них простыни, наволочки, простыни, наволочки. Гостей нынче прибыло. Эх, хорошо дружить семьями с троюродным братом жены товарища!

Цены на Привозе растут, как чужие дети. О Новом и говорить страшно.

– Зато на вашем Привозе обвешивают!

– А на вашем Новом нет?

– Тоже, конечно, но не так!

А пока газовые плиты – эти аналоги примусов – горят синим пламенем. Обожженные солнцем придут гости. Красные лица, голодные глаза, слезка или сильно облезшие тела. Потребление сметаны возросло в разы. Говорят, она, если ей намазаться, спасает от ожогов. Может, и не врут.

Кондиционеры, включившись в общий ритм, заводят «Песню о Буревестнике».

...А в Одессе, возле моря,

Ветер туч не нагоняет...

Это к тому, что о дожде помнят только старожилы.

– Была черная-черная туча. И нависла она над городом. И прогремел гром. И...

– Эх, было же время! Жили же люди! – завистливо вздыхают слушатели.

Зато хорошо на дачах. Дорожки политы, гости отправлены «в город» в Оперный – вы ж такого в своем (далее идет список городов всего мира, где нужно надо произвести) не увидите! Гости верят и отчаливают.

Покой! Веранда. Чай с вареньем. Что-то полезное для сна по телевизору.

И даже одинокое соло комара кажется своим и близким.

Сергей Брайко Мои Дальние Мельницы

(200 ЛЕТ РАЙОНУ, НО КТО ЭТО ПОМНИТ...)

Мы даже не задумываемся, какие удивительные зигзаги случаются порой с нами в жизни, абсолютно без нашего ведома. Я бы, например, мог родиться на Пересыпи. Или в центре, на Преображенской.

Вот послушайте! Когда мои бабушка с бабушкой к концу войны вернулись из Фрунзе, (где трудились в эвакуации), в свою квартиру в доме Папудова, их оттуда вышвырнули, в пустующее жильё с удобствами во дворе. Квартиру моих предков военкомат отдал какому-то орденосному офицеру. И ничего, что их сын, мой отец, в то время участвовал в ликвидации бандеровских формирований, попав в них напрямик с Восточного фронта.

Я родился в 1958 году, через десять лет, после того, как папа уволился из рядов Советской Армии. Первые отчётливые впечатления, отложившиеся в детской памяти, — длинные протяжные гудки, которыми будили людей в нашей рабочей окраине... Зимняя тёмная ночь, громкий гудок прямо за окном нашей комнаты и, почти следом, режущий глаза свет включённой лампочки... Так всё детство и юность оказались связанными с удивительным районом Одессы — Дальние Мельницы.

Был ещё вечный гул. К нему тоже все привыкли, как привыкаешь к звуку двигателя на корабле. Это работала через дорогу механическая мельница... Днём и ночью, зимой и летом мельница перемалывала зерно на муку. Периодически был слышен лязг ворот, запускающих и выпускающих подводы и «подтурки» с мешками зерна на территорию предприятия.

Поток слёз из детских глаз так жестоко разбуженного ребенка могли остановить только мамыны губы. Тёплые и влажные, они обцеловывали лицо:

— Серёженька, роденький, просыпайся! В ясельки! Маме и папе надо на работу, Толику, братику, надо в школу.

Родители работали на Джутовой фабрике, там и познакомилась. У обоих это уже был второй брак. Свою старшую сестру по папе я никогда не видел, а вот Толя, мамин первенец, рождённый на Урале, был для меня проводником во взрослую жизнь.

Надо отдать должное советскому образу ведения хозяйства. Возрождая после войны джутовое производство в Одессе, государство одновременно возводило ФЗУ (Фабрично-заводское училище), клуб, поликлинику, жильё для рабочих, детские сады и ясли, транспортную развязку.

— Кому, спрашивается, мешали эти страусы?

— Какие страусы? — спросите вы.

— Одиннадцатого и тридцатого маршрутов — отвечу я вам.

Взять и оставить целый микрорайон без транспорта! (Это крик души моей к нынешним городским властям). Им всё равно, страусам головы крутить (что тоже недопустимо), или лишит пенсионеров выезда в город, на море, на любимый «Привоз».

Скрежет трамвайных колёс, круто разворачивающихся вокруг нашего двора на Фабричной, — ещё одна достопримечательность недавних Мельниц. После слуховых ассоциаций следом вспоминаются обонятельные. Запах керосина долго ещё преследовал меня, даже когда район газифицировали. Наша коммуналка, длинный сквозной коридор, заканчивалась вестибюлем. Комнат, как наша, выходящих в коридор, было 14-16. Возвращаясь с работы, мамочки выносили из комнат примусы и керогазы и начинали делать ужин. Чаёв стоял такой, что из одного конца коридора, другого видно не было. А ещё стоял ужасный запах, смесь котлет, бычков, борща и ещё невесты чего Он пропитывал наш «муравейник» насквозь. Завершалась картина маслом нами, детьми, снующими между примусами на самодкатах и трёхколёсниках.

Прямо напротив конечной остановки трамваев, на Фабрич-

стники, старожилы Мельниц. (Не могу сказать того же о нынешней молодёжи). У нас на всех был один парк с летним кинотеатром и танцплощадкой, одна школа, один клуб с духовым оркестром и десяток улиц, со старыми-новыми названиями.

Ещё про запахи. Начиная с весны, зелёные улочки частного сектора и парк Савицкого благоухали... Ароматы косточковых сменяла сирень, потом её величество акация, жасмин, липа... В своём рассказе «Что для меня Одесса», я писал об акации в нашем окне. Тогда мы уже переехали в Джутковский двор, на Володарского, поближе к парку. Родители получили отдельную двухкомнатную квартиру. Я заезжал туда недавно. Там и сейчас, акация наша цветёт и пахнет. Прямо в комнату Лоры!

Двор этот был интересен тем, что в нём ещё оставались конюшни, хозпостройки и часть дома фабриканта грека Родоканаки. Кое-что люди приспособили под жильё, но конюшни долго использовались по прямому назначению. В этом дворе была большая и красивая голубятня. На Мельницах чуть не в каждом дворе были голубятни, но эта была какая-то особенная, возможно, осталась от хозяина. В этих старинных постройках жили, насколько я помню, две семьи: Коркины и Брынзы. Сейчас там общежитие ПТУ.

О Джутовой фабрике Одессы написано довольно много и подробно. Скажу лишь, что в 1987 году фабрика пышно отметила своё столетие, а уже в столетии нынешнем, её территория стала превращаться в склады. От бывлой красоты и пышности хутора Родоканаки осталась лишь часть грота под улицей Сапожникова, между двумя ставками, и два старинных красавца-дуба во дворе.

Кроме Джутовой фабрики так сказать, районообразующей, на Дальних Мельницах успешно выпускали продукцию: Завод поршневых колец, Углекислотный завод, Пуговичная фабрика, Дрожжевой завод, Макаaronная фабрика, Коньячный завод. Интересно, что свои первые джинсы я купил за деньги, заработанные на «Макаронке»

Как мой кореш Муса, узнал о двух вакансиях, я не помню, но факт есть факт! На каникулах, после восьмого класса, мы с ним устроились работать на фабрику. Там была такая машина с прорезью. В мою задачу входило запустить в эту прорезь мешок из-под муки и удержать его в руках. Тем временем, мешок колошматили какие-то палки, прикреплённые к барабану, крутящемуся вокруг своей оси. Вытаскивал я мешок уже чистым, готовым к новому использованию. Работа, скажу я вам, не для пацана. Но стоимость джинсов (на тот момент — сто рублей) для нашей семьи была неподъёмной.

Теперь расскажу одну историю из жизни Коньячного завода. Даже не историю, а байку, ведь подтвердить её правдивость уже некому.

Работал на «Коньячке» один электрик, долго и исправно. В 10-15 метрах от забора предприятия находился электрический колодец, всегда закрытый крышечкой. А там был проложен очень важный кабель. Дважды в день наш электрик посещал данный стратегический объект, минуя турникет строгой проходной, с соблюдением всех мер предосторожности. Пара резиновых сапог, связанных между собой, всегда была перекинута через плечо ответственного рабочего, не говоря уже о перчатках. И долго бы громыхала дважды в день крышка люка, если бы не один дотошный охранник.

Он обратил внимание, что электрик никогда, в отличие от других рабочих, не бывал пьяным. А запах «свежака», меж тем, его не покидал. Устроили проверку. Оказалось, наш «Кулибин» заносил в подземелье ворованный коньяк в резиновых сапогах. Там он сливал его в сваренную ранее ёмкость, а вечером выносил во флягах, прикреплённых к телу.

Кто же были коренные жители Мельниц, те, кого можно назвать «мельничными»? Вот что по этому поводу говорит Википедия: «Небольшой посёлок для мельников и их семей — Дальние Мельницы — с регулярным планом и опрятными домиками появился в 1820-х годах... В районе нынешних улиц Балковской и Заводской возник польский посёлок. В честь основателя, его назвали Дачами Дашкевича».

В 1862-65 гг. вдоль границы с ещё одним хутором — Курсаки — проложили железную дорогу, это навсегда перечеркнуло тихую жизнь Дальних Мельниц. По соседству появились заводы и фабрики, рядом стали селиться батраки и беглецы... Местные, потеряв свой заработок, охотно шли на предпрятия, а сам район принял образ классического рабочего предместья.

Кстати, в таких хуторах, как Дальние или Ближние Мельницы, Слободка, Кривая Балка, молодёжь выбирала спутников жизни преимущественно из местных. И я не исключение. Моя жена тоже родилась на Фабричной!

Из экскурсии в прошлое ясно, что в этом году Одесса может смело отмечать 200-летие одного из своих старейших районов! Уж не знаю, был ли в курсе этого события, или случайно получилось, депутат городского совета Н. как раз в этом году АСФАЛЬТИРУЕТ Дальние Мельницы! Эх, был бы жив мой друг Игорь Витвицкий, он бы, наверное, от радости запил на неделю. Представьте, двести лет жители Литовской, Онежской и других улиц выносили и сбрасывали на проезжую часть жужелицу (отопление ещё до недавнего времени было печное). Вот жильцы и убивали двух зайцев одной пулей: и плакал из дому выносили, и дорогу уплотняли. Отрадно, что теперь некогда убитый, депрессивный район видоизменяется. Ну что ж, будет ещё один зигзаг в истории Дальних Мельниц.

Описывая жизнь Дальних Мельниц, я не мог обойти стороной родную 110 школу в центре района. В таких местах школа — не просто учебное заведение. Это центр культуры, досуга, центр жизни! Одно время, она была женской гимназией, в то время, как 120-я, на Второй Заставе, выполняла роль гимназии мужской.

А какие у нас были учителя! Грант Киракосович Егизарян попал к нам после Ереванского института физической культуры. Уверен, не одно поколение жителей Мельниц считали его лучшим учителем. Он сумел превратить свой предмет в один из ведущих, ввёл факульт-

тивы по игровым видам спорта, даже по футболу. Маленькая пришкольная площадка держала меня после занятий дотемна. Я гонял в футбол целый день, нередко получая за это от родителей «на пироги».

А Марк Григорьевич Дреерман — это тот человек, благодаря которому я стал тем, кем являюсь сегодня. Он научил нас, говорящих на полу-блатном полу-хуторском жаргоне, любить русский язык. И вот теперь, по чьей-то указке, я должен всё забыть и переключиться на другой, который я тоже люблю и уважаю, но, к сожалению, не думаю и не пишу на нём.

Наша школа славится двумя выдающимися людьми, двумя Николаями Авилковыми. В честь старшего, Николая Николаевича, на фасаде школы висит мемориальная доска. Он учился здесь с 1929 по 1939 годы. Погиб в 1943 году на войне, повторив подвиг Николая Гастелло: будучи лётчиком-истребителем, направил свой горящий самолёт на вражеский бомбардировщик. Посмертно награждён Орденом Красного Знамени. Наш класс носил его имя, и нас, учеников, велили на экскурсию в родовой дом Авилковых на улице Володарского (Василя Стуса) 12.

Прекрасно помню Николая Авилова младшего, десятиборца, олимпийского чемпиона Мюнхена. Мы, пацаны, с замиранием сердца следили за каждым шагом в карьере Николая Викторовича, племянника героя войны. Когда рослый, статный спортсмен, со спортивной сумкой с надписью «Adidas» через плечо, появлялся на Мельницах, стайка мальчишек бежала за ним, чтобы хоть как-то причаститься к мировому спорту.

Отец легкоатлета какое-то время был директором одесского «Привоза», а на Мельницах — очень уважаемым человеком. Местные жители шли к нему с бытовыми вопросами, зная, что найдут справедливый ответ. Вот так история одной семьи переплелась с историей одного района в течение одного века.

И сегодня моя родная 110-я школа воспитывает и учит новых учеников. Нынешняя директор школы Лариса Александровна Мацевич рассказала, что теперь у нас обучаются инклюзивные дети, колясочники. А ещё школа взяла на себя обязательства по обучению детей из детского приюта «Святаню», построенного на месте детского сада, в который я водил когда-то сестру Лору. А ещё нынче в школьных журналах много фамилий армянских, арабских, вьетнамских, китайских. Есть даже афроукраинец. У нас такого не было.

— А как у вас с буллингом? — поинтересовался вдруг я.

— А никак! Нет его у нас!

Я ждал такого ответа! Не может иметь место такое отвратительное явление, как буллинг, в моём районе. В моих стареньких зелёных тихих умиротворённых и навсегда любимых Дальних Мельницах!

КАК ЭТО БЫЛО...

30 лет назад мы задумали создать Всемирный Клуб Одесситов. Как это было? Весело. Наверное, это основное чувство, которое приходит на память. Весело и радостно. А ведь начинались 90-ые... Большая страна, бывшая нашей Родиной, стремительно летела то ли в тартарары, то ли в светлое будущее. Разобраться в направлении движения тогда было трудно, но полет уже явно ощущался. И вот в это самое время, возможно вопреки ему, времени, мы решили объединиться. Причем, (что уж там скромничать!), в общемировом масштабе – предвидели, видать, грядущую эпоху глобализма:))

Нас поддержал мэр – сам Валентин Симоненко, и клубу было выделено помещение на Базарной угол Маразлиевской! Помню, в каком восторге мы были от этой первой удачи: свое, клубное помещение, – это был невероятный успех! Мы были еще достаточно молодыми, чтобы быть в меру наивными. Росла уверенность: брось мы клич, и одесситы всего света сразу начнут вступать в клуб, вместе с членскими взносами и благотворительными пожертвованиями. А мы будем выпускать газету, книги, помогать всем, кто в этой помощи нуждается, откроем свой ресторан, в котором будут вкусно кормить исключительно одесской

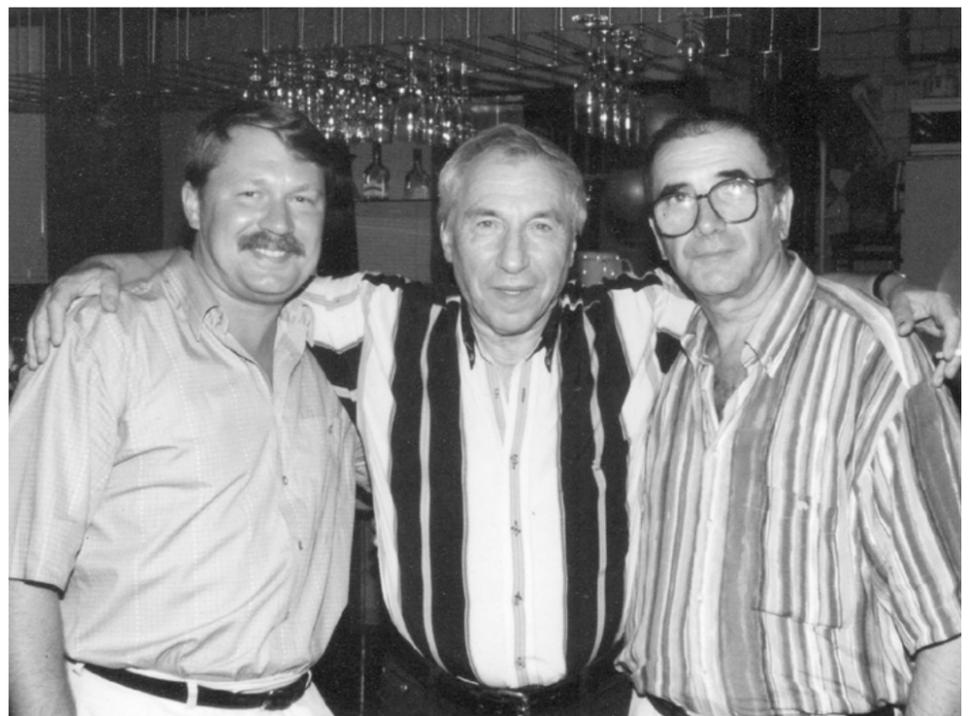
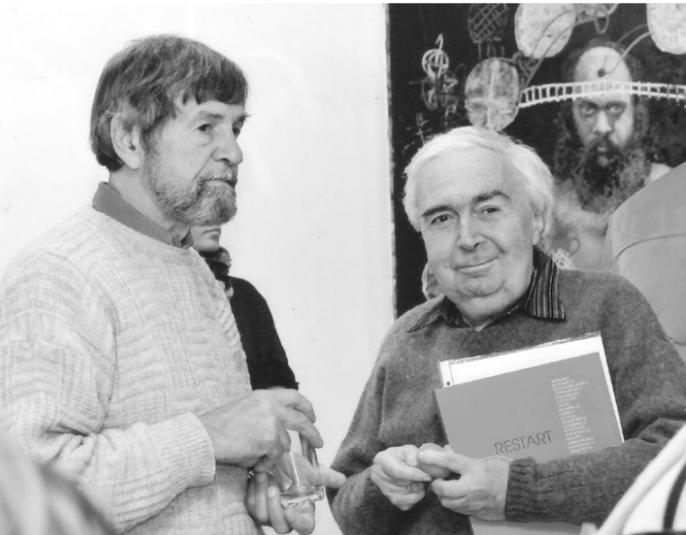
едой и в котором будет звучать джаз... Это только то небольшое, что удалось мне вспомнить из задумывавшегося. Возможно именно это, потому что многое даже сбылось. И, хоть не потекли в кассу клуба купюры разнообразного номинала из разных точек нашей планеты, в которых проживают одесситы, мы выпустили и продолжаем выпускать газету, издаем книги, присовокупив к этому литературные фестивали, создание памятных и многое-многое другое, о чем лучше расскажут мои одноклубники. А тогда в нашей компании оказался одессит, тоже загоревшийся идеей создания клуба, – Боря Дизенфельд. По тем временам он казался нам сказочно богатым, и так же сказочно он подарил клубу 25 000 еще рублей, на которые мы не только издали первый номер газеты «Всемирные Одесские Новости», но и продолжали выпускать сие издание еще год (благо, несмотря на мечтательность, одесситы по своей сути люди практичные, а потому и закупили сразу на все деньги бумагу для газеты).

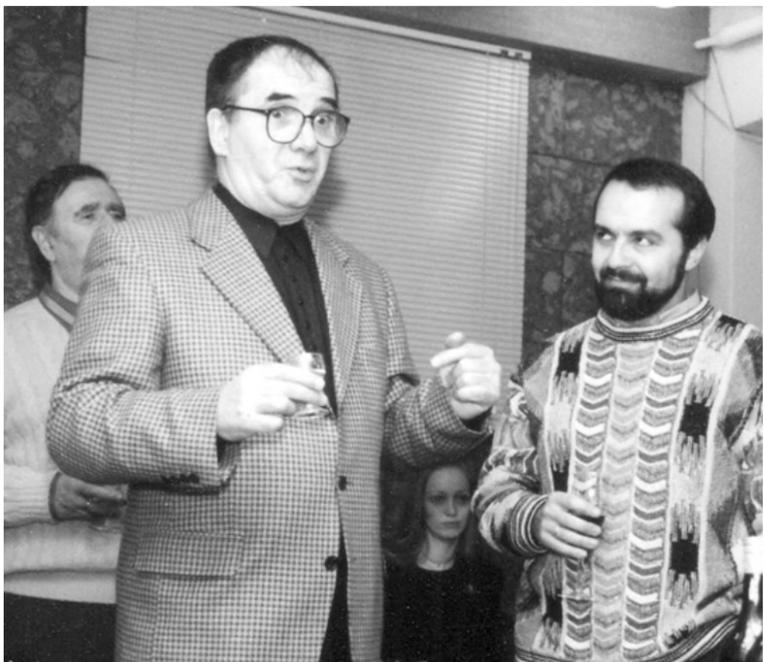
А потом было открытие в переполненном Театре музыкальной комедии – великое гуляние, когда звезды, выступавшие бесплатно (!!!), плавно перетекали со сцены в зрительный зал и фойе театра, чтобы порадоваться вместе, чтобы познакомиться, поговорить... И общие темы для разговора находились, и желание было, и место, и время располагало к общению...

Тридцать лет назад мы задумали создать Всемирный Клуб Одесситов. Я намеренно не пишу о той роли, которую сыграл в его создании гениальный одессит – Михаил Михайлович Жванецкий. Об этом и скажут много, и переоценить эту роль трудно. Я не перечисляю всех, кто принимал в этом тогда участие – кто и сегодня находится во главе клуба, иных, увы, уж нет, а многие далече... Мне просто захотелось вспомнить о времени и о себе, о том времени, когда мы были счастливы...

Клубу тридцать. Он живет, и часто тоже весело и радостно. Его география широка – одесситы разных континентов объединились, чтобы быть вместе. И, значит, все было не зря. С праздником!!!

Юлия ЖЕНЕВСКАЯ,
член Президентского совета ВКО

«Поднять паруса!» – командуют сестры Вербы

В самый сладкий утренний сон врывается звон рынды. Юля и Леся одновременно подпрыгивают на своих койках и тут же заправляют их за собой. Мгновенно ныряют в одежду, аккуратно сложенную накануне вечером на стуле. Через мгновение они уже стоят навтыляжку на кухне в полной экипировке. Котик и Лёшик синхронно скидывают правые руки к вискам.

– Доброе утро, матросы! – отдавая честь, приветствует их Капитан – делаем зарядку, чистим зубы, завтракаем, затем оба заступают на вахту! Все ясно?

– Так точно, кэп! – хором отвечают девочки.

– А Котик, я погляжу, у нас никак морским не станет?! Почему левый носок на два пальца ниже правого?!

– Но я торопилась... ой, торопилась... – не успевает договорить запыхавшаяся Юля, как тут же слышит в ответ:

– Отставить! Вырастешь – будешь хоть разные носить. А тут имеет значение всё, каждая деталь, ты же на линейку идешь!

Но подозреваю, идея с разными носками скорее пришла бы по душе мечтательной Лесе Вербе, занимавшейся музыкой и рисованием, ставшей впоследствии и продвигающей быть смелой, экспериментирующей художницей и ярчайшей джазовой Звездой. Гораздо вероятней, нежели системной Юле, презентация уже третьей книги которой прошла недавно в Летнем Театре в Горсаду.

В семье выдающегося капитана Анатолия Вербы существовали такие правила: первая жена капитана – яхта, первые дети капитана – матросы, а любимые дочери – экипаж готовящегося к выхо-

ду в открытый океан, полный неожиданных препятствий и порой смертельных опасностей, судна под названием «Жизнь». И для того, чтобы не просто выжить, а остаться вне зависимости от условий порядочным и ответственным человеком, а судно не превратит в судно – нужна строгая дисциплина.

Капитан Анатолий Верба командовал – «Поднять паруса!» – и заставлял верить спортсменов и обычных людей, что жизнь – чудо, и ее насыщенность, яркость и полнота зависит не от счастливого случая, а только от тебя, твоей веры, терпения и трудолюбия.

В 1988 году Вербу пригласили участвовать в разработке проекта по участию советской гоночной яхты в предстоящей кругосветной гонке «Уитбред 1989/90». Он стал главным специалистом проекта, а в дальнейшем – вахтенным капитаном на «Фазиси», первой и последней советской яхте, принявшей участие в «Уитбред». Анатолий замкнул первое кольцо кругосветки и вернулся в Одессу готовить субстантный одесский проект к следующей гонке «Уитбред 1993/94». Финиш почти девятимесячных тяжелейших соревнований совпал с юбилеем любимого города. Так появилась «Одесса -200». Сначала как мечта, затем как общественная организация, объединившая единомышленников – яхтсменов, бизнесменов, журналистов.

Мечтал Капитан, конечно, о сыновьях, но у него родились две замечательные девочки. Вполне закономерно, что в какой-то момент они стали Костиком и Лёшиком и воспитывались по-спартански, как мальчишки.

Закаленные моряки верили, что женщина на борту к беде. И хотя периодически отец брал девочек на яхту, со

временем стало очевидно: пока их главная вахта – здесь, на берегу. Дома. В тылу и уюте. И их задача – этот уют обеспечить.

– Поднять паруса! – командовал капитан – и на установленной для Константина и Алексея шведской стенке поднимались накрахмаленные паруса белоснежного постельного белья.

А барышни постепенно нашли каждая себя...

Юля Верба окончила Одесский морской университет по специальности – инженер-гидротехник. Работала журналистом на областном ТВ и FM-радиостанции, в журнале, ночном клубе и ивент-агентстве. 16 лет была креативным директором рекламного бюро.

Первый сборник рассказов Юли – «Молдавское отродье» (воссозданные в здоровой ироничной атмосфере сценки из размеренной жизни Молдаванки, самого мифотворческого района Одессы) – имел невероятный успех, сейчас его с восторгом читают в разных уголках мира.

Презентация Юлиных книг превращается в настоящее шоу, погружающее зрителя в атмосферу одесской Молдаванки, потому что Вербы ко всему подходят очень тщательно, с максимальной внимательностью к атмосфере и ее составляющим. Такие презентации обязательно проходят при участии сестры, которая всегда придет на помощь со своим мощным вокалом, бесстрашием и современной яркой эстетикой.

Леся Верба со стремительностью торпеды ворвалась в отечественный авангард еще в начале нулевых годов с «одеялами» в уникальной авторской текстильной технике и вокальными перформансами. Неизвестную еще никому одесситку тут же приняли в творческое объединение

«Газгольдер». Ее экспозиция была представлена на Биеннале московского современного искусства в проекте «Верю». Ее работы находятся в частных коллекциях живописца Питера Гринуэя и топ-модели Александры Пивоваровой. Ученица джазовой Примадонны Татьяны Боевой, финалистка «Червонной руть», вокалистка первого состава «Дети Фиделя», солистка фольк-театра «Джерело», модельер, дизайнер и даже актриса. В своих работах она не боится смешивать опыт, полученный из этнографических экспедиций театра, урбанистике жизни, наследие и неповторимую харизму своих учителей.

Недавно в Одесском музее Западного и Восточного искусства прошла выставка Леси Вербы «ГМ GRAND/Т». Публичный проект музея был

задуман до пандемии, но сегодня невероятно актуален и посвящен тем, кто оказался в такой социальной изоляции и обнулении, что нам и не снилось. Это гимн силе духа людей, которые смогли взлететь даже не с нуля, а из минуса, с уничтоженными планами, с вырванным языком и корнями – легендарным эмигрантам, прочертившим новое лицо стран, в которых они создавали будущее, воспроизводя свои глобальные идеи. Напоминание о том, что где бы вы ни были, вы привезёте с собой то, чем вы являетесь.

– Поднять паруса! – теперь командуют сестры Вербы – и паруса поднимаются к самому небу, чтобы отец мог как следует разглядеть, каких достойных личностей он вырастил.

Влада ИЛЬИНСКАЯ

По волне нашей памяти...

Я не помню, в каком году она ушла. Тем более не помню число и месяц. Время стирает даты – сначала круговоротом событий, потом чередой потерь...

– Это не главное, – сказала бы Инга Семеновна. Она знала – что в жизни главное...

Прежде всего – Митя, сын. Ей удивительным образом удавалось любить своего ребенка не безумно, а с умом. И это давало, дало свои результаты. Парень рос и вырос самостоятельным мужчиной. Это и раньше было нелегко, а уж в наши, гендерно свободные времена, и во все проблематично. Была работа в ОМА – для новых поколений распифую: объединение музыкальных ансамблей, в которое входили музыканты, игравшие в ресторанах Одессы. И, должна заметить, – высокопрофессиональные музыканты. Работа – это ответственность и интерес к происходящим событиям

и людям, эти события создающим. Инга Семеновна была знакома с каждым, знала, кто чем живет, у кого какие проблемы и всегда принимала участие в их решении.

Муж, Валера Карев, ради которого она все-таки бросила работу. Говорила, что пора пожить для себя, получить удовольствие от радости общения с любимым человеком. «Для себя» так никогда и не получилось – все, с кем сталкивалась ее жизнь, могли рассчитывать на Ингу Семеновну в любой момент. Да что там – те, с кем сталкивалась жизнь... Поздней ночью, в мороз и метель, она срывалась из дому с термосом горячего чая и бутербродами: возвращаясь домой, они с Валерой заметили бомжей, пытавшихся согреться у трубы отопления. Люди замерзнут до утра! Люди!!! Никогда она не делила человечество на богатых и бедных, успешных и проигравших эту жизнь, хотя к последним относилась с большим сочувствием.

Инга Семеновна Пашкова была из тех людей, без которых Одесса была бы пустой. И потому не удивительно, что именно она стала первым секретарем Михаила Жванецкого. Стала еще в те времена, когда гений писателя не был столь очевиден массам, но который безошибочно угадала в нем она. И ей этой догадки было вполне достаточно – она сначала полюбила талант, а потом и все этот талант составляющее. Все Мишины радости были ее радостями, все печали – ее печальями. Она истово заботилась о его здоровье и бережно сохраняла каждый рукописный листок, вышедший из под его пера. Она внимательно присматривалась ко всем, кто появлялся рядом со Жванецким и безошибочно определяла искренних и настоящих. Эти неминуемо становились и ее окружением. Те, кто не проходил отбор, как-то незаметно терялись, пропадали сами собой – Инга Семеновна редко ошибалась в людях, хотя прощала им многое.

Почему я вспоминаю сегодня этого замечательного человека, эту удивительную женщину? Я вспоминаю о ней не только сегодня. Но именно сейчас есть повод. Сын Инги Семеновны передал ее архив семье Жванецкого. Все с такой любовью хранившееся и систематизированное вернулось к автору. Уверена, Инга Семеновна довольна таким исходом.

В день похорон было очень холодно, кажется, даже срывался снег. А на ее могиле играл великолепный трубач Аркадий Астафьев. Играл что-то очень печальное из джазовой классики – Инга любила джаз. Она вообще многое любила – музыку, людей и саму жизнь...

P.S. Инга Семеновна Пашкова ушла из жизни 3 ноября 1998 года. Похоронена на Таировском кладбище в Одессе.

Юлия ЖЕНЕВСКАЯ

Дворы нашего детства

«28 июля во дворике на Успенской, 75 яблоку не было где упасть».

Всех собрал Дедушка. Не простой, а деревянный. Точнее – вышедший из ствола нам навстречу.

Жил был двор. Уютный, небольшой. Старый – пресарый.

Кто только не жил там за почти двести лет!

Пирамидальный тополь посадили первооселенцы.

Возможно, виноград, обвивающий стены, и малинник моложе, но тоже старые.

Как одесские лестницы, ведущие из двора на балконы.

Когда-то в этом доме жили родители Олега Иосифовича Губаря, писателя и краеведа. Отсюда его отец уезжал в военное училище, а потом – на фронт. Здесь прошло его детство и юность, отсюда уходил в армию... Одна из соседок по двору вспоминала «ты ведь под этим тополем играл на своей скрипочке». Отсюда в оккупацию людей уводили в никуда.

Перестраивали подъезд, расширяли. Мешал тополь, высокий, пирамидальный.

Его срубили, но не до основания, а оставив ствол до балок подъезда.

Деревья умирают стоя.

Редко бывал Олег в этом дворе. Точнее – трижды. Когда отцу исполнилось 75 лет. Захотели провести старый двор. Когда родился первый сын. И вот совсем недавно с Андреем Шелюгиным, зашел показать свой первый двор – источник силы.

Олег Губарь:

– Одесса всегда жила дворами. Во дворах отражается жизнь всего города. Мне было важно сюда заходить. Тут призраки брошенных жизней. Сколько поколений одеситов тут выросло и ушло. И сам дом переходил

из рук в руки. Я знаю имена всех его владельцев, которые для меня очень значимы. Я могу перечислить всех, кто здесь жил.

Глаз зацепился за стоящее мертвое дерево...

– Для меня город – это старые дома, это аура двора и лица людей, живших, живущих. Но тут я подумал – и деревья. Жизнь деревьев соизмерима с человеческой. При Ришелье Одессу засаживали акациями и этими пирамидальными тополями. А что, если на этом стволе проявятся лица. Инструменты мастера продлевают им жизнь. – это мы подслушали внутренний монолог Губаря, а может строчки из его пишущего романа.

И Олег, и я дружим с тончайшим акварелистом, нежным человеком Валерием Сыровым. Недавно во Всемирном клубе одеситов состоялась его выставка, в которой участвовал его друг скульптор Александр Коваленко. Это самородок. Он виртуозно режет дерево, превращая его в людей, животных...

Надо ли удивляться, что, решив оживить дерево, Губарь вспомнил про Сашу Коваленко?..

Несколько суток А.Коваленко с разрешения жителей двора колдовал над стволом, без эскиза, всё подсказывало дерево. Сразу понял, что просится выйти высокий мужичок, напоминающий лицом художника Юрия Коваленко, чей день рождения отмечался в день открытия дворовой скульптуры (совпадение?). А скульптор по тому же совпадению – его однофамилец. Тельняшка. Кепка на голове. Какой не простой Дедушка.

Нет, не под сенью девушек в цвету, ошибся Пруст, под сенью

Дедушек...

– А может, это Дед Мазай, – тихо спросил я скульптора Александра Князика.

– Какой еще Мазай – это наш одесский человек, не зайцы с ним, а кот....

Кот тоже появился неслучайно, в память о приходящей кошке Маркизе, жившей на два дома.

Удивительно, но дерево настояло, чтоб Коваленко вырубил еще одну фигуру – прижавшуюся к дедушке маленькую девочку, со светлым лицом. Образ НАДЕЖДЫ. И ожило срубленное дерево.

И ожил двор.

И уже есть заметки для продолжения работы. Чтобы сегодняшняя скульптура приобрела братьев и сестер в других дворах. Надо пытаться их сохранить и вносить в них жизнь.

Настаиваю на одной простой мысли. Надо не ждать праздников от государства. Нужно самим украшать нашу жизнь.

И легче станет жить под сенью Дедушек в цвету».

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

***

«Вот так встреча известного одессита Олега Губаря с личным прошлым, со старожилками его квартала, дома его детства, его двора и со скульптурным искусством одеситов стала праздником для города и останется в истории Одессы как теплая солнечная страничка».

Татьяна ХЕРСОНСКАЯ

***

«Жизнь продолжается. В детях. В тянущемся под крышу винограда, в пробившейся сквозь асфальт мальве. В памяти, в своей боли, переплавленной в

радость для других. И этот старик, проросший из старого тополя, – зримое продолжение и «Энциклопедии забытых одеситов» и книги о Первом христианском кладбище, которой Олег Губарь отдал годы. Память и любовь одного человека становится памятью обо всех. И родных, и безвестных, и забытых, и погибших – всех живших здесь. Души, из которых сложен пресловутый Геней места.

«...Но эти песни не горят, они в воздухе парят,

Чем им делают больше, тем они сильнее».

Тем они сильнее».

Анна ГОЛУБОВСКАЯ

Во время работы над деревом скульптор нашел в теле дерева... кованный гвоздь 19-го века. Сколько видел этот гвоздь, сколько веревоч на него вешали?!?

Вторая жизнь срубленных деревьев. Пусть этот проект, эта ожившая идея Губаря и Александра Коваленко получит дальнейшее продолжение.

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Бабушкины картины

Сколько удивительных историй хранят старые одесские дворы! Большая их часть оказывается погребенной под слоем времени. Но некоторые, волей случая, неожиданно всплывают из прошлого, как, например, история, о которой я хочу рассказать.

Однажды, увешанная мольбертами, я неслась домой через свой старый одесский дворик. Тут меня обгоняет сосед. Как зовут – не знаю, чем занимается – не знаю (говорят, что раньше одесские дворы были иньими). Не сбавляя скорости, сосед интересуется: «Мольберты? Рисуете?» – и добавляет: – У меня бабушка тоже рисовала, была членом Союза художников, после нее осталось несколько картин, из ткани». Я торможу соседа и начинаю расспрашивать: «Что значит из ткани?» Он попытался объяснить, ничего не понял. И сосед отправился домой, за семейными реликвиями. Увиденное ввело меня в замешательство и восторг: современные художники-прикладники делают работы, выкладывая под стекло рисунок из цветной шерсти. У соседа сохранилась аналогичная бабушкина работа, выполненная в подобной технике. Но две другие – что-то невероятное: рисунок «накидан» из разноцветных и разных по фактуре лоскутков, местами отстающих от полотна, – и возникает четкое ощущение, что изображение «дышит».

Кроме работ из ткани сосед показал удивительную графику бабушки-художницы. Слово за слово, выяснилось, что соседа зовут Богдан Лосиков, а его бабушку звали Лидией Александровной Лосиковой. Она была коренной одесситкой, родилась в 1913 году и прожила долгую, непростую, похожую на киносюжет, жизнь.

У родителей юной Лидии Федоровой, очевидно, были большие планы на будущее дочки. И в ее жизни все было внача-

ле похоже на сказку. Семья жила в престижном доме на Маразлиевской. Отец работал инженером и вполне обеспечивал семью, позволяя матери Лидии всецело посвящать себя детям. В доме была своя кухарка, помогала гувернантка. Детей обучали итальянскому, французскому и немецкому языкам. Раз в неделю, а то и два, вся семья ходила в Оперу, вела размеренный светский образ жизни.

А потом случилась революция. Первыми в Одессу пришли белые и расстреляли одного из братьев Лидии Александровны. Белые ушли – пришли красные и расстреляли второго брата. Жизнь пошла кувырком. В ней поменялось все! Уже не было того прежнего большого уютного дома, большой дружной семьи. Но шло время. И девочка, окончив гимназию (сегодня это 43-я школа на улице Гоголя), выросла. Известно, что в 37-ом Лидия Александровна вышла замуж, через год у нее родился сын – вроде как все налаживалось. До войны оставалось еще несколько насыщенных и счастливых лет, наполненных молодостью, любовью и планами. Теперь, подписывая свои работы, Лидия Александровна к девичьей фамилии прибавляла фамилию мужа: Федорова-Симонова. Что случилось во время войны с супругом, неизвестно. Лидия же Александровна вместе с сыном осталась в оккупированной Одессе. Не бедствовала – в центре у нее был большой магазин. И, наверное, будущее ей, как и в детстве, вновь виделось сказочным. Но, все оказалось иначе: город вот-вот должны были освободить красные. Понимая, что ее ждет, Лидия Александровна бежала в Румынию. Но и там не спаслась. Ее арестовали и отправили для разбирательства в Москву. Лидия Александровна была молода и красива – жизнь продолжалась, а сердце не выбирало время и место любви. Своего второго мужа – Лосикова Лидия Александровна

встретила во время следования в Москву. Определенно, счастье было на ее стороне, причем, не только в делах любовных. При расследовании дела Федоровой-Симоновой неожиданно стало известно, что часть выручки из ее магазина передавалась в одесское подполье. И, несмотря на то, что Лидия Александровна об этом ничего не знала, из-под ареста ее освободили и все обвинения сняли. В Одессу она уже вернулась Лосиковой и, хотя в ее жизни был еще один официальный брак, до конца так и осталась на этой фамилии.

Третий муж Лидии Александровны был латышом, его звали Жаном Францевичем. Как высококлассного специалиста по художественной части его пригласили на завод «Большевик» и сразу же выделили квартиру в Красном переулке. Лидия Александровна тоже работала на заводе «Большевик». Там они познакомились, полюбили друг в друга и поженились. Жан Францевич умер в 1973 году, оставив Лидию Александровну уже не молодой, но все еще красивой вдовой. Она по-прежнему занималась изобразительным искусством, интересовалась театром, в ее окружение была творческая интеллигенция. Ее последний, гражданский муж, тоже был натурой творческой: увлекался резьбой по дереву, за что друзья прозвали его Дятлом.

Лидия Александровна дожила до 85 лет. Богдан, вспоминая о бабушке, говорит,

что до конца жизни она сохранила манеры и красоту, что самым страшным ругательством в ее лексиконе было слово подлец...

В конце ноября, если обстоятельства вновь не вмешаются в наши планы, во Всемирном клубе одеситов пройдет выставка работ Лидии Александровны Лосиковой. Возможно, к этому времени скудные сведения о ее жизни пополнятся новыми фактами и подробностями.

Ирина ВИШНЕВСКАЯ

От редакции: чужая судьба – потемки. Но смущают люди, которые припеваючи жили при румынах. Понятно, что жить людям надо было. Правильней, выжить. Не они себя загнали в оккупацию. Словом, много белых пятен в биографии Лидии Федоровой-Лосиковой. А может быть, наши читатели, прочтя эту удивительную историю, смогут дополнить ее собственными воспоминаниями об одесской художнице с необычной судьбой. Ждем ваших писем.

С кладбищами Одессе не везет. Или кладбищам с Одессой?... Бездумно уничтоженное Первое христианское кладбище. Безвозвратно утерянные Старое и Второе еврейские кладбища. Старинные фамильные склепы и памятники, могилы первооселенцев и первостроителей, захоронения выдающихся одесситов, – «все погребено в безлюдья окаянном». Не поклониться, не покаяться. Да что там, – взять нынешний Некрополь Одессы. Кто сегодня заботится о его сохранении – кучка энтузиастов, свято верящих, что это нужно – Городу, потомкам, истории...

«Любовь к отеческим гробам»

В понимании обывателей, кладбище – мрачное место связанное со смертью. Может, потому большинство захоронений знаковых для Одессы личностей на Втором городском христианском кладбище Одессы сегодня находятся в плачевном состоянии: надгробия скрыты под большим слоем земли и мусора, дороги к ним заросли бурьяном, а большинство семейных склепов превратились в ночлежки для бездомных. Настоящий заповедник уникальной истории и культуры нашего города медленно погружается в забвение.

Но такие значимые погосты, как Второе христианское, могут стать настоящими мемориальными парками и выполнять научно-просветительскую функцию. У Украины давно уже есть подобный опыт: это Лычаковское кладбище во Львове и Байковский некрополь в Киеве.

Для того, чтобы Одесский некрополь стал историко-культурным заповедником, необходимо произвести полную инвентаризацию его объектов для внесения их в реестр объектов культурного наследия Одессы. И законом защитить кладбище, обеспечив охрану и реставрацию памятников на его территории. Именно так сделали в Киеве и Львове и проводят экскурсии, создают целые туристические маршруты, прибыль от которых идет на поддержание территории в ухоженном состоянии. В чем Одесса-то уступает этим городам?

Чтобы спасти это уникальное место, три года назад волонтеры Общественной организации «Мой дом Одесса» инициировали создание на территории кладбища Историко-культурного заповедника. Но мы не пионеры, а продолжатели этого благородного дела.

Еще 12 лет назад одесские краеведы Инна Арутюнова, Виктор Головань, Наталья Панасенко и Роман Шувалов провели большую исследовательскую работу и составили «Список памятников истории и искусства на 2-ом городском кладбище, включенных в реестр памятников решениями Одесского облисполкома». Однако на сегодняшний день большая часть памятников из этого списка уже уничтожена. Поэтому в процессе инвентаризации волонтеры ОО

«Мой дом Одесса» собственными силами восстанавливают заброшенные могилы знаковых для города личностей.

Нас интересуют не только уникальные надгробные скульптуры XIX – первой половины XX века, но и более скромные на вид захоронения людей, оставивших значимый след в истории Одессы.

Первым, буквально выкопанным из-под земли и отреставрированным на личные средства наших ребят стало захоронение одного из ярких представителей южнорусской школы живописи Павла Волокидина.

«Когда полгода назад мы впервые увидели его могилу, памятник и плита на надгробии настолько глубоко ушли под землю, что их пришлось буквально смыть выкапывать, чтобы прочитать надпись. Территория 22 участка Второго городского христианского кладбища, где лежат бок о бок знаменитые художники, профессора и деятели кино, была так завалена мусором, что на расчистку у нас ушло несколько дней», – рассказывают волонтеры.

На поиски этого захоронения нас вдохновил одесский краевед и писатель Олег Губарь. Именно Олег Иосифович рассказал о печальном состоянии могилы и подробностях жизни известного художника.

Павел Волокидин был выпускником Одесской рисовальной школы, членом Товарищества Южно-русских художни-

ков, профессором Одесского художественного института. После отъезда П.Нилуса и И.Бунина из Одессы, Волокидин занимал мастерскую во флигеле знаменитого дома Буковецкого на ул. Княжеской (бывшую мастерскую Нилуса). Редкая ода-ренность, широкая эрудиция, простота в общении блестящего мастера пейзажей притягивали в этот дом его учеников, молодых художников: Н. Шелюто, П. Пархета, Е. Кибрика, В. Лазурского. Работы художника сегодня хранятся в Одесском художественном музее. Павел Гаврилович Волокидин был и талантливым портретистом. Благодаря ему мы знаем, как выглядел, например, Александр Дерibas, чей памятник на Втором Христианском кладбище тоже был недавно восстановлен силами энтузиастов.

Теперь надгробная плита художнику Павлу Волокидину отшлифована, по периметру обложена плиткой, а табличка и крест отреставрированы.

Следом волонтеры восстановили еще одно захоронение знаковой для Одессы личности – легендарного архитектора Федора Нестурха. Вместо разрушенной и ушедшей под землю плиты появилось скромное надгробие «Одесскому зодчему от благодарных одесситов!»

В 1902 году Федор Нестурх возглавил Одесское архитектурное бюро, и следующие 20 лет он занимал должность главного архитектора города. Его первым одесским проектом стало здание для первой в империи Станция скорой помощи. Далее Нестурх разработал проект величественного здания для Городской публичной библиотеки на улице Пастера, с большим читальным залом и вместительным книгохранилищем. По чертежам Ф.Нестурха были возведены: городская психиатрическая больница на Слободке и больничный городок на нынешней улице Леонтовича. Здания в стиле неоренессанса частично сохранились до наших дней. Грязелечебница на Хаджибеевском лимане, купальни на Фонтане, реставрация Украинского театра на Пастера и фруктовый пассаж Привоза – все это он, Федор Нестурх.

Когда ты любишь свой город и его историю, начав хорошее дело – остановиться сложно, вот и мы не смогли. И теперь всем нам, любящим Одессу и чтящим ее великих детей, больше не будет стыдно за брошенный и разрушенный палисад сестер Витте. Отреставрированные белоснежные памятники снова напоминают горожанам о «Белом цветке» и благородных учредительницах Одесского общества борьбы с туберкулезом.

Это их усилиями в 1912 году в Одессе появился противотуберкулезный санаторий «Белый цветок», открыта амбулатория для больных туберкулезом на Нежинской, 64. Сестры жертвовали значительные суммы денег и переводили личные средства и доходы на нужды благотворительных обществ города.

Палисад сестер Софьи и Ольги Витте – стал третьей работой по восстановлению захоронений исторических личностей на счету ОО «Мой Дом Одесса». Реставрация удалась осуществить на личные средства волонтеров и неравнодушных одесситов, откликнувшихся на наш призыв в социальных сетях. Сумма, к слову, вполне приемлемая, и если бы бизнесмены и политики Одессы всего один раз вместо обеда в ресторане пожертвовали деньги на выдающихся одесситов, то Второе Христианское кладбище превратилось бы в приличный парк исторической памяти.

Тем не менее, совсем скоро будет готов четвертый, наверное, самый сложный объект – палисад Варвары и Ольги Кандыбы.

При инвентаризации и описи первого участка кладбища случайно под свалкой мусора, кирпичей, плит и надгробий с других могил было обнаружено старое захоронение. Расчистив его, мы добрались до двух сохранившихся из трех надгробий и прочли фамилию – Варвара Петровна Кандыба.

Дама в роскошном платье на фото некогда была начальницей Одесского ин-

ститута благородных девиц и бесценно занимала эту должность около 30 лет, видимо, до момента закрытия этого учебного заведения в период между 1917 и 1920 годами. На вид ей более 60, и если учесть, что родилась Варвара Петровна в 1853 году, можно предположить, что фотография сделана, примерно, в 1910 году.

Рожденная в семье барона Платона Фредерикса, она состояла фрейлиной высочайшего двора, в начале 1870-х вышла замуж за Владимира Тимофеевича Кандыбу, braveго офицера, участвовавшего в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и вышедшего в отставку в чине генерал-майора в 1906 г.

Скончалась В.П. Кандыба в 1932 г. Ее родной брат барон В.П. Фредерикс был женат на племяннице Г.Г. Маразли З.С. Сафоновой, а их сын впоследствии стал бароном Фредериксом-Маразли и наследником состояния Григория Григорьевича.

Из трех дочерей В. Кандыбы две избрали преподавательскую карьеру: Варвара Владимировна была надзирательницей Одесской женской гимназии А.И. Бракенгейнер, а Ольга Владимировна, чье захоронение находится под второй плитой, – надзирательницей женской гимназии Е.С. Пашковской.

В 1907 г. О.В. Кандыба открыла на ул. Херсонской, 17 (ныне – Пастера), собственную гимназию, ныне известную как школа №105. Есть сведения, что Ольга Владимировна Кандыба работала и после революции в своей бывшей гимназии преподавателем.

Мы благодарны краеведам Анатолию Дроздовскому и Еве Красновой, которые, узнав о реставрации палисада, не только внесли пожертвование, но и предоставили единственную сохранившуюся фотографию Ольги Кандыбы, уже занявшую место на отреставрированном надгробии.

К сожалению, людей, средств и сил для нашей работы катастрофически не хватает. Путь к нашей цели долг и тернист. По подсчетам волонтеров, такими темпами на инвентаризацию у нас может уйти 10 лет. Но этих 10 лет у Одессы нет.

Какое захоронение будет отреставрировано следующим, не скажу, но оно обязательно будет. Да, и мы надеемся привлечь к нашему проекту не только неравнодушных горожан, но национальные общества Одессы, а также потомков знаменитых одесситов, живущих за границей.

Татьяна ВОЙТЕНКО
пресс-секретарь ОО «Мой дом Одесса»

Друзья, одесситы, все те, кому безразлично славное прошлое Одессы и кто хотел бы присоединиться к работе волонтеров ОО «Мой Дом Одесса» по сохранению памятников известных исторических личностей на Втором городском христианском кладбище Одессы! Вы можете принять участие в сборе средств. Мы будем рады любой помощи. А у вас появится возможность, отказав себе в одной чашке кофе на веранде ресторанчика, внести ваш личный вклад в сохранение исторического наследия. Деньги можно перечислить на карту 5168 7554 5222 3882 – Аверьянова Татьяна Игоревна.

Истина философа отличается тем, что она достигается рассуждением.
Уильям Джемс (1842 – 1910), американский философ и психолог,

Анатолий Горбатюк

Правдивая история о «грибке» на Австрийском пляже

...Первым делом, слово «грибок» в названии очерка я взял в кавычки, потому что без них все название приобрело какой-то тревожный, явно санитарно-эпидемиологический характер. А с кавычками – другое дело, каждому станет понятно, что речь идет о сооружении, защищающем человека от солнечных лучей. Правда, некоторые рискованные люди подобное устройство использовали и для укрытия от дождя, что делать, конечно же, нельзя, тем более, если это касается территории, соседствующей с морем: при грозе молния таких умников не щадит...

Ну а теперь – по сути дела. «Австрийский пляж» К.Г.Паустовского я прочел, будучи студентом, и был, натурально, в восторге. Недавно, перечитывая этого влюбленного в Одессу писателя, в том же «Австрийском пляже», обнаружил несколько фраз, заставивших меня рассмеяться. Вот они: «До этого пляжа идти из города было дальше, чем до большого Ланжероновского. Поэтому на Австрийский пляж ходили только любители безлюдья. А может быть, и любители той морской старины, какая сохранилась главным образом на гравюрах в пожелтевших журналах».

Как жаль, что не мог заглянуть хотя бы лет на двадцать пять вперед Константин Георгиевич! Во все времена этот совсем небольшой, какой-то очень уютный пляж, находившийся с лета 1944 года на режимной территории Одесского морского порта, с удовольствием посещали его работники, которые ни к отшельникам, ни к лекционерам «пожелтевших журналов» (в своей основной массе) никак не относились. Вот и я, поступив на работу в ремстройуправление порта, впервые посетил это благословенное место летом 1964-го. Австрийский пляж с его великолепным мелкозернистым песком и пологим входом в воду с удовольствием посещали и руководящие работники порта.

...Когда спадал летний зной, сюда после проведения селекторного совещания приходил молодой, по-спортивному подтянутый начальник порта Олег Константинович Томас с красавицей женой Ольгой Петровной, такие же молодые начальники механизаций 1-го и 2-го погрузрайонов баллагур Владимир Бибаев и Борис Дво-

еглазов, иногда приходили представители старшего поколения: главный инженер порта Михаил Акиндинович Калинин, начальник отдела механизации порта Владимир Соломонович Турецкий... Кстати, Михаил Акиндинович, соблюдая жесткую конспирацию, приходил на пляж не один, и не с супругой Марией Федоровной, а... как бы это дипломатично донести... с миловидной знакомой, которая работала сестрой-хозяйкой портовой поликлиники. На пляж они приходили порознь и как бы случайно оказывались рядом. Напрасно они так: весь мощный трудовой коллектив портовиков был осведомлен об этом «долгоиграющем» романе. Более того, все знала и уважаемая Мария Федоровна. Короче говоря, все участники этого «треугольника» вели себя достойно, а о «болельщиках», причем, с обеих сторон – и говорить не приходится. С тех пор прошло более пяти десятков лет, никого из участников этих захватывающих событий давно нет среди нас, потому Автор и позволил себе это небольшое лирическое отступление...

Несмотря на присутствие руководства, атмосфера на пляже была самая демократическая, но единственный пляжный грибок безоговорочно предоставляли семье начальника порта: Олега Константиновича (он стал начальником крупнейшего в Советском Союзе порта в тридцатидвухлетнем возрасте) безмерно уважали...

Вот о «грибке» хочется рассказать особо. Каким-то совершенно невероятным образом, это старенькое, слегка покосившееся солнцезащитное «оружие» сумело сохраниться еще с довоенного времени. Из сожженного, что называется, «дотла» войной порта жители «Канавы» тащили каждую сохранившуюся щепку, а грибок не тронули! Нет, кроме шуток, вы только представьте себе: в смутное время румынской оккупации, когда за одну короткую ночь исчезла мощная деревянная оторочка причала или целый пирс (одесситы нуждались в топливе!), в это самое время, как фурункулы на каком-нибудь видном месте, на виду всего порта стоит себе старенький дере-

вянный «грибок». Чудеса, да и только!..

Однажды Олег Константинович подозвал меня и еще одного находившегося на пляже прораба РСУ Анатолия Кравченко (кстати, будущего главного инженера порта) и, похлопав по грибку, сказал:

– Он, этот ветеран, заслуживает самого внимательного отношения к себе. Приведите его в порядок, подкрасьте и в дальнейшем следите за его состоянием. Передайте эту мою просьбу Элле Петровне (Э.П.Кошелева долгие годы возглавляла РСУ порта).

– А может быть, новый поставить? – робко предложил Кравченко. – Он ведь уже на ладан дышит...

– Э нет, в том-то и фокус, чтобы старый сохранить. Это же настоящая реликвия!..

...Менялись начальники порта, менялось руководство ремонтно-строительного управления, но грибок-ветеран каждый год ремонтировался и окрашивался – пока не пришли на Австрийский пляж мощные скреперы и экскаваторы. На этом закончилась долгая жизнь Австрийского пляжа и его единственной реликвии – старенького пляжного «грибка». А на их месте вскоре возник контейнерный терминал. Прямо как в вспомнившемся почему-то старом анекдоте про чукчу, встречавшего цивилизацию...

...Будучи членом редакционной коллегии «Морской энциклопедии Одессы» (она увидела свет в 2012 году), среди прочих очерков я предложил и небольшую справку («капсулу») о «грибке». Предложил и... испугался: а вдруг не поверят в мой совершенно правдивый рассказ? Тут же успокоил себя: смотри, сколько живых свидетелей: и лучший в когорте самых выдающихся начальников порта Николай Пантелеймонович Павлюк (ныне – Почетный президент Одесского морского порта), и упомянутый Анатолий Васильевич Кравченко, мой самый близкий друг, несколько десятков лет проработавший главным инженером порта и прошедший под руководством Павлюка несколько важнейших реконструкций, оставивших порт не только «на плаву», но и сделавших его

высоко-прибыльным, самым современным предприятием, и старейший работник ремстройуправления порта прораб электроучастка Владимир Григорьевич Яворовский, честнейший человек, совесть коллектива портовых строителей, страшно переживавший из-за отсутствия у него специального образования. Посмотрел бы он сегодня, с каким образованием работают руководители морской отрасли...

Прошло с момента издания «Энциклопедии...» всего восемь лет, а уже нет среди нас ни Анатолия Кравченко, ни Владимира Яворовского. Олег Константинович Томас, талантливый организатор производства и прекрасный человек, вынужден был последнее время трудиться не в порту или пародомстве, а в проектной организации – так распорядилась бессердечная партийная «верхушка». Что и сыграло главенствующую роль в добровольном уходе Томаса из жизни в 1989 году...

Но хватит о грустном! Очевидно, Читатель почувствовал, куда клонит Автор: мол, кроме Николая Пантелеймоновича Павлюка и его, некому больше что-либо рассказать о славном Одесском порте, вернее, о том, что от него осталось? А вот и неправда ваша! Как можно забыть о выдающемся «гидротехе», как называли себя первостроители Одесского порта, докторе технических наук, профессоре Михаиле Борисовиче Пойзнере, которого вся Одесса знает как талантливого писателя-исследователя, знатного коллекционера и просто одессита, как говорится, до мозга костей?! Руководство Одесской мэрии, словно очнувшись после длительного летаргического сна, только сейчас присвоило Мише звание Почетный гражданин Одессы! Он, Пойзнер, знает о сегодняшнем порте и его сооружениях все!

Так что, уважаемый Читатель, если возникнет вопрос, связанный с историей Одесского порта, а меня поближе не окажется, смело обращайтесь к одному из Почетных – Николаю Павлюку или Михаилу Пойзнеру. Обещаю толковый и взвешенный ответ на любой каверзный вопрос...

30.07.20

Памяти Николая Голощапова

Ушел Голощапов...

Написал и сам не поверил написанному: это не может случиться так неожиданно, тем более – в мой день рождения, который мы с моим ближайшим другом Николаем Яковлевичем Голощаповым должны были отмечать вместе!

Грянула огромная, непоправимая беда, и не только для меня: Город потерял великого интеллигента, влюбленного в Одессу и в течение многих десятков лет щедро отдававшего во славу ее весь свой талант, всю мудрость большого музыканта.

Часто вспоминаю слова Евгения Михайловича Голубовского, как-то сказанные им о Голощапове: «Да, он не родился в Одессе. Но если бы все, называющие себя одесситами, сделали бы для Города хоть частицу того, что сделал для ее музыкальной культуры Голощапов!...»

... В 1980 году Николай Яковлевич возглавил эстрадный отдел Одесского музыкального училища (ныне – Одесский колледж искусств им.Данькевича), став одновременно художественным руководителем и главным дирижером Одесского молодежного джаз-оркестра – предмета его неустанных забот. Тво-

рил Николай Голощапов в таком качестве ровно 40 лет, выпустив значительное количество юных специалистов, влюбленных в джаз.

Николай Голощапов проявлял удивительную работоспособность и творческую энергию. Посудите сами: занимаясь совсем не простой работой заведующего отделом училища и художественного руководителя учебного оркестра, в течение четырнадцати лет (1983-1997 г.г.) он являлся президентом Одесского джаз-клуба, художественным руководителем двух одесских джазовых фестивалей памяти Л.О.Утесова (1991, 1995 г.г.). Его оркестр – лауреат Республиканских конкурсов 1986 и 1987 г.г., а также многих международных джаз-фестивалей. Следует отметить, что ни на день не прекращается творческий рост этого очень интересного коллектива.

Значительное внимание Николай Яковлевич уделял совсем юному поколению почитателей джаза, и не случайно его назначали председателем жюри I-VI Международных детских джазовых конкурсов памяти Леонида Утесова.

Последние два года Николай Яковлевич возглавлял Государственную комиссию на выпускных экзаме-

нах в Музыкальной академии им. Невждановой...

...Поймал себя на безумной мысли: а не позвонить ли Голощапову и не напомнить ли ему...

Все!
Уже никогда не позвоню я своему ближайшему другу, не услышу его всегда доброжелательное, оптимистичное приветствие, не смогу обменяться с ним шутивными колкостями...

Знаю точно: Голощапов находится на дороге в Рай.

Всей своей жизнью он заслужил это последнее путешествие...

Анатолий ГОРБАТЮК,
член Президентского
совета ВКО

Всемирный клуб одесситов скорбит...

Мы выражаем глубочайшие соболезнования семье, близким, друзьям, коллегам, ученикам, поклонникам прекрасного человека, преранного музыканта, прекрасного педагога, прекрасного друга...

Вечная светлая память, дорогой Николай Яковлевич...

15 августа ушел из жизни выдающийся деятель одесского музыкального искусства, знаменитый джазмен, воспитавший не одну сотню талантливых музыкантов, основатель и многолетний руководитель эстрадно-джазового отделения Одесского училища искусств и культуры им. К. Данькевича, организатор Молодежного джазового оркестра, с которым выступал на отечественных и международных фестивалях, заслуженный работник культуры Украины Николай Яковлевич Голощапов.

Аркадий Хасин

ЭТОТ ФИЛЬМ СНИМАЛСЯ В ОДЕССЕ

На карантине я просмотрел в Интернете много фильмов, и старых советских, и зарубежных. Среди них – итальянская картина «Легенда о пианисте», получившая первую премию Европейской академии киноискусства и премию «Золотой глобус». А игравший главную роль знаменитый английский киноактер Тим Рот был номинирован на Оскар.

И тут я вспомнил, что был... свидетелем съемок «Пианиста». И не просто свидетелем. Я даже помогал снимать этот фильм!

А дело было так. В конце 1997 года я прилетел в Одессу из Сингапура. О своих злоключениях в том рейсе я писал в очерке «Призрак сингапурского рейда», который был опубликован в «Вечерней Одессе», а потом вошел в одну из моих книг. Я был старшим механиком теплохода «Петр Старостин», когда эпоха Черноморского пароходства медленно подходила к концу. Туда меня назначили после того, как мой «Аркадий Гайдар», на котором я проработал много лет, был продан в Индию, на металлолом. Там я увидел, как умирают пароходы. Судно с полного хода выбрасывается на песчаный берег и валится на борт. А когда рабочие начинают резать автогеном стальной корпус, кажется, что судно, умирая, кричит от нестерпимой боли.

«Петр Старостин» пришел в Сингапур на ремонт. В ожидании ремонта нас поставили на дальний рейд. Вскоре продукты, питьевая вода и топливо закончились. Мы дали в пароходство 10 аварийных радиogramм. Но ни на одну не получили ответ. Питались пойманной рыбой и спасались от жажды дождевой водой. Для меня это мучение длилось два месяца. С трудом мне удалось связаться по радио с представителем пароходства в Сингапуре. Он прислал за мной катер и помог улечь в Одессу. Там я отправился в прокуратуру и рассказал о бедственном положении наших моряков.

А вскоре я получил от капитана радиogramму. В ней говорилось, что судно продано пароходством какой-то одесской частной судоходной компании, снабжено всем необходимым и поставлено в ремонт. В Одессу «Петр Старостин» вернулся через полгода уже под другим именем. Так закончилась эта эпопея.

Я оформил пенсию. Но жить на нее было тяжело. И, сев за руль своего «Жигуленка», я занялся частным извозом. «Кастрюлил», как говорили тогда в Одессе.

Однажды, проезжая по проспекту Шевченко, я увидел стоявшего на остановке капитана Кима Никифоровича Голубенко, кстати, Героя социалистического труда. Он ждал троллейбус. Награду Ким Никифорович получил из рук самого Никиты Хрущева – за прорыв американской блокады Кубы, куда на турбоходе «Юрий Гагарин» Ким Никифорович одним из первых советских капитанов доставил большое количество продовольствия и медикаментов.

Это было в дни знаменитого Карибского кризиса, когда восставшую от американского диктата Кубу взял в блокаду чуть ли не весь американский военный флот. Но капитан К. Голубенко пошел на прорыв. И когда «Юрий Гагарин» вошел в гаванский порт, на причале его встречала восторженная толпа кубинцев во главе со своим вождем Фиделем Кастро.

Я написал тогда о капитане К. Голубенко большой очерк для газеты «Правда». Но в скором времени на Кима Никифоровича свалились неприятности: он выгнал с судна пьяницу-помполита, номенклатуру парткома пароходства, за это на него ополчились партийные чиновники, и Голубенко был снят с судна.

Узнав об этом, я позвонил в Москву, в редакцию «Правды». Оттуда в Одессу вылетел корреспондент этой газеты в СССР. Он разобрался с делом К. Голубенко, и Ким Никифорович снова поднялся на капитанский мостик своего турбохода. Потом работал капитаном самого большого в стране балкера «Ялта». После «Ялты» был капитаном-наставником пароходства, председателем Ассоциации одесских капитанов. Когда мы с ним встретились, Ким Никифорович, оформив пенсию, продолжал работать капитаном тренажерного судна «Лесозаводск».

Этот тренажер стоял в Военной гавани, и на нем моряки обучались борьбе за живучесть своих судов. Тренировались тушить пожары, заделывали пробоины, учились спускать спасательные плоты и пользоваться гидрокостюмами в случаях оставления гибнущего теплохода.

Я предложил подвезти старого друга, и Ким Никифорович, сев рядом со мной, закурил и сказал:

– Мне на «Лесозаводск». И мне нужен старший механик. Пойдешь?

– Вы предлагаете мне работу?

– Ну да. Правда, после развала пароходства денег нам не платят. То нас хочет забрать Высшая мореходка, то порт. Но главное, нас взяла в аренду одна итальянская кинокомпания. Хотят снимать на «Лесозаводске» какой-то фильм. Скоро приедут в Одессу, и тогда мы с тобой заработаем пару копеек.

Мне предложили работу! И кто? Капитан Голубенко! Конечно, я с радостью согласился. И уже утром был на борту «Лесозаводска». Было это в начале февраля 1998 года. Старший

механик «Лесозаводска» уходил с судна по болезни. Я быстро принял у него дела, задав только один вопрос: «Почему судно не отапливается? В каюте холодней, чем на улице!»

– А у нас котел топить нечем. Ни грамма мазута, – ответил стармех. – Так что, смотрите, не простудитесь!

Итальянцы приехали к вечеру того же дня, и Ким Никифорович позвал меня в свою просторную каюту с ними знакомиться.

Их было трое. Знаменитый режиссер Джузеппе Торнаторе, продюсер и кинооператор. Фамилии последних не помню. В каюте было очень холодно. Итальянцы сидели в пальто и в меховых шапках-ушанках, купленных, очевидно, уже в Одессе.

В Одессу Торнаторе привел случай. Будучи по каким-то своим делам в Москве в посольстве Италии, он рассказал, что ищет судно для съемок своего нового фильма. Сотрудники посольства навели справки и посоветовали поехать в Одессу. Там на мертвом якоре стоит судно-тренажер, на котором демонтирован главный двигатель. И просторное машинное отделение вполне могло сойти за кочегарку океанского лайнера столетней давности. Торнаторе прилетел в Одессу, побывал на «Лесозаводске» и понял, что это то, что он искал. Немедленно был подписан контракт. Так «Лесозаводск» стал местом съемок всем известной сегодня киноленты, фильма-эпопеи.

Нашу беседу переводила молодая переводчица, преподаватель Одесского университета, которую итальянцы пригласили на «Лесозаводск» на время съемок фильма. Капитан угощал гостей армянским коньяком и аккуратно нарезанными лимонами, в качестве закуски.

Познакомив меня с итальянцами, Ким Никифорович сказал:

– Поезжай утром в нефтегавань. Я слышал, там можно купить мазут. Съемки будут идти весь февраль и март. Сколько нам потребуется топлива на это время?

– Тонн тридцать, – ответил я.

– Узнай, сколько это будет стоить. Деньги итальянцы дадут.

Рано утром следующего дня я был уже в нефтегавани, где стояли бензовозы с соляровкой, бензином и мазутом. Торг шел как на Привозе, когда на зиму запасаются картошкой. Узнав цены на мазут, я быстро договорился с одним владельцем бензовоза, объяснил ему, куда доставить топливо.

В тот же день мазут был доставлен к борту «Лесозаводска» и перекачен на судно. Мы разожгли котел, подня-

ли пар, и в помещениях стало тепло. Электроэнергию «Лесозаводск» получал с берега по кабелю, так как судовые дизель-генераторы были в нерабочем состоянии. Получаемый с берега свет то загорался, то гас. За несколько дней я с двумя мотористами привел в порядок один из дизель-генераторов запустил его в работу, обеспечив судно постоянное освещение.

И – съемки фильма начались!

Фильм назывался «Легенда о пианисте», главную роль в котором исполнил известный британский актер Тим Рот. Сюжет картины такой. В начале прошлого века океанский лайнер «Вирджиния» совершает рейсы между Европой и Америкой, перевозя в США, кроме обычных пассажиров, множество эмигрантов. Как-то во время рейса в коробке из под лимонов негр-кочегар находит младенца, выброшенного в кочегарку. Кочегар усыновляет ребенка. Мальчик растет на лайнере, не сходя на берег, становится любимцем команды. В портах его прячут от таможенников и пограничников. Каким то непостижимым образом он осваивает игру на стоявшем в музыкальном салоне лайнера рояле. Способный юноша становится незаурядным пианистом, играет в оркестре, развлекает пассажиров. Его виртуозную игру замечают продюсеры из числа пассажиров и приглашают выступать в разных городах Америки. Но его дом – лайнер, и ни на какие предложения он не соглашается. В фильме есть и любовь, и драма. А вот чем заканчивается фильм, не помню.

На «Лесозаводске» снимались кадры в кочегарке лайнера. Для этого итальянские декораторы создали в машинном отделении судна имитацию корабельных паровых котлов, в топках которых пылало пламя. И такой же имитацией были кучи угля.

Между съемок, помню, были наши посиделки в капитанской каюте за «рюмкой чая» с режиссером Джузеппе Торнаторе и героем фильма Тимом Ротом.

На палубах «Лесозаводска» снимали и массовые сцены. Людей пригласили для съемок на одесском «Привозе», «Новом рынке», привозили из города в порт на автобусах. Одеситы с удовольствием изображали восторженных эмигрантов, которые, видя приближающийся американский берег, кричат: «Америка! Америка!». По фильму перед ними предстает статуя Свободы и небоскребы Нью-Йорка. Но это уже хитрости монтажа.

Киносъемки завершились на «Лесозаводске» в начале апреля 1998 года. Тепло попрощавшись, итальянцы уехали. Вскоре после их отъезда капитан Голубенко заболел, а в мае умер. Похоронили Кима Никифоровича на 2-м Христианском кладбище. А на доме, где он жил по проспекту Шевченко, члены Ассоциации одесских капитанов установили мемориальную доску. На ней значится: «В этом доме жил Герой социалистического труда, капитан дальнего плавания Ким Никифорович Голубенко». От себя добавлю: «Замечательный человек и превосходный капитан».

А что касается итальянского фильма, то теперь вы знаете, что эту трогательную историю снимали в Одессе.

Премия Бабеля 2020

Вот и оглашены имена победителей IV сезона Одесской международной литературной премии им. Исаака Бабеля, учрежденной Всемирным клубом одесситов. Традиционно церемония объявления

имен лауреатов и дипломантов состоялась 12 июля, в день рождения писателя. А вот неожиданностью стало, что проводить ее в этот раз пришлось в режиме онлайн.

Имена дипломантов Премии Бабеля 2020:

- Игорь Зайцев (Украина) за рассказ «Так получилось»;
- Лера Манович (Россия) за цикл рассказов «Чокнутые»;
- Михаил Полюга (Украина) за рассказ «Искры затухающего костра»;

- Ася Умарова (Россия) за рассказ «Унесенная ветром»;
- Александра Ходорковская (США) за рассказ «Эсик».

И Лауреаты Премии Бабеля 2020:

- 3-е место разделили два номинанта:

Михаил Шевелев (Россия) за цикл рассказов «Родные языки» и Ефим Ярошевский (Германия) за цикл рассказов «Одесские сны».

2-е место завоевала Елена Долгопят (Россия) за рассказ «Объект».

1-е место с вручением приза Премии Бабеля «Колесо судьбы» получил Александр Хургин (Германия) за цикл рассказов «Свет в конце подвала».

Поздравляем!!! А награды лауреатам сезона Премии-2020 будут вручены в Одессе во время церемонии награждения ПЯТОЙ ЮБИЛЕЙНОЙ ПРЕМИИ – 2021. Очень надеемся, что уже в следующем году будут подарки, цветы, , холодное вино, музыка, счастливые лица победителей, гости. Уже не виртуальные, а вполне осязаемые. А мы представляем читателям новые произведения одного из победителей нынешней премии – одессита Ефима Ярошевского.

В этом году на литературной карте Одессы несколько значимых юбилеев. Бунин, Куприн, Жаботинский. Но в этом ряду не может быть забыт и Ефим Ярошевский, которому 19 марта 2020 года исполнилось 85 лет.

Ефим Ярошевский – тонкий, оригинальный, я бы сказал, очень одесский писатель. Его путь в литературу был трудным. Преподаватель литературы, особенно в вечерней школе, – пожалуй, ста. Писатель – нет, погодите. И это – погодите – Ефим Яковлевич слышал до 60 лет. И не то что фамилия не нравилась, имя не нравилось, отчество не нравилось, естественно, национальность не нравилась, но еще больше не нравилась оптика – не так смотрел на наш прекрасный и радостный мир. Ну, если бы смеялся... Так нет. Он иронизировал.

С 70-х годов самой популярной книгой в одесском самиздате был роман Ярошевского «Провинциальный роман-с». Его передавали друг другу буквально по страницам, казалось, что он безразмерен, что он на все времена.

Сейчас, из 2020 года, повторю то, что считал, о чем писал в 1995 году в газете «Вестник региона», требуя издать роман Ярошевского.

«Провинциальный роман-с», если считать страницы, всего лишь повесть. Но если дышать его воздухом – это эпос, сказ о битнической Одессе, о том, что племя ху-

джников и влюбленных, литераторов и городских сумасшедших на берегу Черного моря прописано навечно, как бы ни усердствовали обкомы всех партий. Этот эпос – не история болезни, а сама болезнь общества, приговор ему. И поэтому не прочитать его нельзя, а для этого необходимо издать».

И издали. Сначала в Нью-Йорке в 1998 году, затем в Мюнхене в 2000, затем в Петербурге и лишь после этого в Одессе.

Можно было опасаться, что Ярошевский повторит судьбу Грибоедова, оставшись автором единственного горя от ума – «Провинциального роман-са». Но потом в Одессе вышла его прелестная книжка стихов «Поэты пишут в стол», затем последовали большие книги стихов и прозы «Королевское лето» и «Холодный ветер юга». И стало ясно, что в неформальной литературе Одессы есть свой лидер Ефим Ярошевский, притяжение которого ощущали и Игорь Павлов, и Галя Маркелова, и Толя Гланц, и Шурик Рихтер... А у романа в творчестве его автора было долгое эхо. Цикл новелл «Эхо романа». Фантазмагории автора, в которых мемуары столь же правдивы, как сны Гоголя или Кафки. А Ефим Ярошевский работает над новой книгой большой прозы. Как мало кто, он знает, что настоящая литература – это «ворованный воздух». Поэтому и ворует его у себя. И когда хватает дыхания, пишет новую книгу.

«Юго-Запад» продолжается.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ЕФИМ ЯРОШЕВСКИЙ

Из цикла рассказов «Цветные сны»

В парадной на улице Пастера

В парадной на улице Пастера во втором пролете тихо, тепло. Уютно сопит электрическая лампочка под цветным куполом, затканном бессмертной паутиной.

Изящный витражик узкого средневекового окна. Терпеливый мрамор, густо исписанный за последние полтора века. Последние чистые уголки, не загаженные еще прыщавой шпаной и пэтэушниками, не заплеванные кровавыми окурками из нечистых ртов. Не подпорченные ядовитой кошачьей мочой и человеческой блевотиной.

Тут можно отдохнуть, переждать дождь, непогоду, выкурить заветную сигаретку, почитать книжку, поцеловаться... (Я открыл этот уголок лет семнадцать назад. Давненько же тут не был...)

На табличках – старые благородные фамилии: Михельсон, Дворецкий, Канцлер, Кутузов, Рубинштейн. Был даже Хаим Смоленский, адвокат. Старые русские интеллигенты (из евреев) оби тали тут...

Где-то здесь жил известный доктор Левинзон. Исключительный педиатр и диагност. Зубной врач Марменштейн (мосты, коронки, протезы). Д-р Зоя

Альфонсовна Шейн (морфинизм, заикание, пьянство, половые расстройства, ишиас).

Но это было давно. Теперь тут тихо, паутина и не то. Жильцы ЖЭКа № 617/14, а не гинекологи, ювелиры и протезисты с частной зубной практикой (на дому).

Зато тут можно высунуться из разбитого слухового окошка, уронить на голову дворника старое ведро, плюнуть в сырую одесскую ночь...

Потом все изменилось

...На Староконном былолюдно и рыбно. В сверкающих аквариумах лениво плавали пожилые китайские вуалехвосты в густой кровавой чешуе, бегали в чистых, как слеза, водах юркие сперматозоиды мелких живородящих гупши. В цветных стекляшках и диковинных пуговицах, в переплетах бывших изданий «Анакреон» и «Нива» отражался веселый одесский мир. Старички в узких пасхальных брючках – старых, заглаженных до блеска штанах в полоску (а-ля Макс Линдер) продавали и никак не могли продать

тесемки от цейссовских пенсне, авторучки без колпачков, открытки с видами Конотопа и Праги образца 1908 года, лакированные заготовки от бывших ботинок с красными пыльными стельками, забытый бабушкой бинокль из бархатной лужи одесского городского театра. Приходил сюда знаменитый Гуревич, ведя за руку задумчивого сына. На полу и асфальте известный художник торговал картинами и багдадским сыром. Высокий, похожий на Вана Клиберна Володя Стрельников не очень успешно продавал старые книги, писал акварели. Приходил увенчанный командорскими усами, с тремя попугаями на плечах неунывающий Люсьен Дульфан. Появлялся Валик Хрущ – энергичный, бодрый, в серой элегантной шляпке, интересовался стамесочками, замочками, птичками, рыбками, старыми фолиантами, ценами на нефть, старыми автопокрышками, каучуком, хорошей оптикой, освежителями краски. Сияло одесское солнце, жизнь была прекрасна и впереди...

...Потом все изменилось. Всюду была какая-то неясность. Денег не платили, аплодисментов не было слышно, лучшие книги исчезали с прилавков, зелень продавали по высокой цене, фильмы снимались по чужим сценариям, пахло нефтью...

Дул ровный, как веревка, ветер. Шел 1980 год. Дул, раздувая жабры, теплый ветер с окраин. Таяло в небе, на бульваре звенели в ведре дворничихины сосульки. За окном, освещенное жабрами рыб, мерцало большое тяжелое море.

Над зданием оперетты – мокрый кривой месяц.

Был март. Кричали вороны. Полной грудью дышал пустырь, шевелился ночной чернозем, стадион еще не был построен. Кругом были ночь и туман, заваленная сырыми досками пустошь, заколоченная на зиму луна. Начиналась какая-то дикая весна, с ранним цветением и морозами, по ночам снились кошмары...

Где-то далеко Хрущ задышался от столичного смога, на магнитофонные ленты наматывалась жизнь, а счастья все не было... У Вики пили чай с крепкой, но не той заваркой, читали стихи, смотрели на икебану за окном, вспоминали прошедшее лето, играли в слова и молились. Билли преданно смотрел в глаза, на морде у него моталась слюна. Порто-франко медленно опускался на древнее дно...

Чистый запах моря и тумана

Между тем Хрущ, увлеченно строга уже не первый год инкрустированный шкафчик для Мили, сгорбившись над изделием, слегка заикаясь, говорил:

– Г-глупость – это, конечно, д-дар Божий, но нельзя же, блядь, ею з-злоупотреблять! Извини, это я не о тебе. Это я про себя подумал. Чаю не хочешь?

Кто только ни приходил тогда в их общую с Викию квартиру на Новорыбной, 18! Кончалось одесское лето, влажная ночь, как антилопа, ходила по городу.

Огромная спелая луна подымалась над Отрадой и горизонтом. Из теплого моря, порусалочьи хохоча, выбегали купальщицы. Какой-то тип, стоя над обрывом, мочился под луной в Понт Эвксинский. Толпы озаренных придурков бродили по пляжу и прилегающим мостовым и окрестностям. Никто не спал в эту ночь, все было пропитано чистым запахом моря, рыбы, песка, соли и тумана...

Во дворе на Канатной, где жила тогда Маша Марусенко, уже совсем стемнело, зажглись звезды. Под открытым всему миру небом играли в шахматы.

Толик Гланц, проигрывая партию Гаррику Гордону, слегка опечалился. Но лица не терял и говорил меланхолически (теряя фигуру):

– Ну вот, ты взял у меня коня. Теперь я стал бесконечным...

Над Молдаванкой коптил старый, видавший виды месяц...

Основатель газеты **Евгений ГОЛУБОВСКИЙ**

Редактор
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ
Верстка
Полина КУЧИЕРСКАЯ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Регистрационное
свидетельство № 508.
Тираж 500 экз.
Заказ №.
Газета отпечатана
в типографии «Черноморье».

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел.: (048) 725-45-67,
www.odessitclub.org